

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ОХОТНИЧЬИ
БАЙКИ

Сергей Алексеев
Охотничьи байки

«Алексеев Сергей»

2011

Алексеев С. Т.

Охотничьи байки / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2011

«Охотничьи байки переплетаются с житейскими, а те в свою очередь с некими таинственными, необъяснимыми случаями, произошедшими в тайге...

Конечно же я мечтал стать охотником, хотя отец все время заставлял учиться и говорил при этом: „Ружье да весло хреновое ремесло“. А сам при этом всю жизнь прожил с ружьем, веслом и еще с гармошкой русского строя, которая и досталась мне в наследство. И еще досталась охотничья страсть, всякий раз будоражащая душу, как только весной услышу клик гусиных стай, и совсем уж затрепещет сердце, когда ранним утром в далеком, с едкой дымкой, березовом перелеске забормочут на деревьях тетерева...»

© Алексеев С. Т., 2011

© Алексеев Сергей, 2011

Содержание

Предисловие	5
Охота – это когда ОХОТА	8
Про охоту и мамонтов	8
Промысловая охота	12
Открытие охоты	16
Адреналин и немцы	22
Об удаче	33
Ловля	37
Охота как работа	37
Промысел	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексеев Сергей Трофимович

Охотничьи байки

Предисловие

*Памяти моего отца, охотника-промысловика, посвящается
Выражаю признательность и благодарность моим друзьям
по жизни и спутникам на охотничьих тропах, предоставившим
фотографии для этой книги и свои собственные впечатления об охоте:
Владимиру Каплину, Илье Каплину, Олегу Линдблату, Сергею Синцову и
его друзьям, Евгению Никитину.
Сергей Трофимович Алексеев*

Мы все – охотники. Эта незабвенная страсть досталась нам от предков и генетически закреплялась многими и многими поколениями. Уверяю вас, она проснется даже в убежденном вегетарианце или самом нетерпимом последователе движения «зеленых», если кто-то из них окажется в ситуации, когда нужно не жить, а выживать. Именно выживание когда-то сотворило из нас потенциальных охотников, промысляющих ловом дикого зверя. Еще два века назад любая охота называлась ловом, а охотник – ловцом. Помните пословицу – на ловца и зверь бежит? Поэтому ловким называли не шустрого и расторопного, а удачливого на охоте человека. А ловчий – уже профессия, это современный начальник охоты, состоящий на службе у государей и князей. И практически всегда с ловлей связано священное слово «добыча», в котором явно звучит еще одно – бык. То есть добычей охотника мог стать только самец, а не плодная матка, и в этом слышится глубинный, благородный смысл неписаного охотничьего закона.

Но самое, пожалуй, важное, что донесло до нас это страстное слово, происхождение названия целой группы народов – славяне. Еще недавно писали «словене», то есть живущие «с лова», тогда как землепашцы жили «с сохи». Полагаю, что и само слово «слово» произошло отсюда же и первоначально означало гимн добычливому ловцу. Не случайно ведь и доньше, если просят произнести речь, говорят: «Скажи свое слово».

И восходит это к глубочайшей древности – к периоду последнего, Валдайского оледенения, то есть примерно XXV–XXII векам до нашей эры. К эпохе, когда еще жили мамонты...

А вы говорите, откуда эта не подвластная воле, необъяснимая, охватывающая нетерпением и детским азартом страсть, заставляющая волноваться даже старцев...

Сказать свое слово об охоте я собирался всю жизнь, поскольку родился и вырос в маленькой сибирской деревушке на берегу таежной реки Четь. Только в нашем районе штатных охотников было сорок два человека! Разумеется, столько и промысловых участков. Каждый год они собирались на слеты, делились опытом и мечтали о том, чего не было в то время: о лодочных моторах, о трехлинейных винтовках, которые не давали осечки, о том, чем бы заменить лыжи, – снегоходов тогда еще не было, а потому сами делали аэросани, вместо двигателя используя тракторный пускач с березовым пропеллером.

Они вообще все были фантазеры, мечтатели и романтики, и разве что стихи писали единицы. Иногда в межсезонье брали с собой старших сыновей, съезжались в одно место где-нибудь на берегу реки, разводили костер, варили уху и разговаривали. А мы их слушали и наслушаться не могли.

Охотничьи истории переплетались с житейскими, а те в свою очередь с некими таинственными, необъяснимыми случаями, произошедшими в тайге на промысле. Например, один из сидящих у костра охотников в молодости заплутал в лесу и на восемнадцатый день, когда уже не мог идти и замерзал, поскольку давно кончились спички, был спасен некими стран-

ными, откуда-то появившимися людьми непривычного вида – седобородым старцем в дубленом тулупе и девушкой в горностаевой широкополой шубе. Склонились они к умирающему и сказали, мол, вставай, пойдем греться к нашему огню. А девушка руку подает. Охотник подумал, это смерть пришла, и помощи не принял, сам встал и пошел за ними. Люди привели его к большому костру, горящему на поляне, велели раздеться до пояса, и девушка стала втирать в него огонь, черпая его ладонями, словно воду. Охотнику сразу тепло стало, но он все думает, что это перед смертью, и потому страх его одолевает, ведь молодой еще, не женатый, не хочется умирать. А девушка грудь ему огнем растирает, глядит на него и только печально головой кивает. Охотник разогрелся, ожил и тут внимание обратил, что лесная эта незнакомка в горностаевой шубке на смерть вовсе и не похожа, напротив, так хороша, что сердце затрепетало, но старец говорит, дескать, довольно с него, пойдем своим путем, а он пусть идет своим. Девушке вроде бы уходить не хочется, должно, ей охотник тоже понравился, однако старик в тулупе застрожился, мол, оставь его, внучка, не годится он для нашего мира, ибо в трудную минуту о смерти думал, а не о жизни. Взял ее за руку и повел. На опушке остановился, начертал на снегу стрелу, говорит, в эту сторону пойдешь, и оба они скрылись в лесу. Охотник после этого словно от сна очнулся, огляделся – возле жаркого костра стоит, полуголый, и вокруг ни единого следа нет. Только стрела на снегу начертана. Охотник надел просохшую у огня одежду и отправился, куда старец путь указал, и в самом деле скоро вышел на ледянку, по которой колхозницы на быках лес возили. А его уж дома оплакали и похоронили давно, тут же стали расспрашивать, где был, чем питался, если вернулся розовощеким и совсем не утомленным. Охотнику же и ответить нечего – скажи правду, подумают, с ума сошел, пока блудил. Но у самого-то в голове засело, и стал он после этого место искать, поляну, где костер горел, потому что девушка в шубке так перед глазами и стоит, а на груди ее рука чувствуется, будто и доселе огонь втирает. И вот уже двадцать второй год ищет, потому бобылем остался – найти не может. Должно быть, и не найдет никогда, потому как разные пути у него и этих невиданных людей: они идут к жизни, а он – к смерти. Ведь и на самом деле так, поскольку едва человек родился, сразу же становится на эту дорогу. Эх, вот бы узнать другую!

Горит костер на майском берегу реки, мимо несется половодье, и огонь отражается на стремительно бегущей воде. Иногда с гулом валится подмытый высокий яр и все, рассказчики и слушатели, напряженно замирают и переглядываются, словно возвращаясь в реальный, земной мир. Но вот другая история – про «лесных дядей», что встречаются в тайге, и снова такой озноб по коже, что волосы на голове встают дыбом и наворачиваются невольные слезы, которые следует прятать, – будто это у тебя от того, что напахнуло дымом. А опомнишься и глянешь на мужиков у костра, и сразу видно, у них тоже дым выедаёт глаза.

Но уже как песня заводится другая история: жили когда-то по берегам Чети люди, которые называли себя детьми черной березы, поскольку сами черные на вид. Все они были охотниками, а жили в странных жилищах – копали огромные ямы, ставили столбы и покрывали сверху бревнами и дерном, оставляя только дымоход. Но пришли сюда люди белой березы, то есть белые, и тогда люди черные подрубили столбы в своих землянках и похоронили себя заживо, ибо кончился их век существования. И до сих пор в тайге встречаются провалы в земле, оставшиеся от их жилищ. Если покопать, то можно и косточки найти, утварь всякую, горшки-черепки...

А рассказ про то, как медведь бабу в Торбыково украл, да к себе в берлогу приволок, и всю зиму с ней прожил, и лишь весной отпустил, уже беременную? И вся деревня ждала и гадала, когда родит и на кого будет ее ребеночек похож – на зверя ли, на человека ли? По прошествии срока баба родила мальчика, и слава богу, похож оказался на кинемеханика из Чердат.

Мужики смеются, а мы еще верим в сказки про медведей...

И до сих пор как музыка звучат их имена – дядя Коля Кулаковский, дядя Ваня Тужиков, дядя Гоша Таурин, по прозвищу Барма, дед Аредаков и мой отец, Трофим Семенович – все штатные охотники, вынужденные пойти на промысел во время войны тринадцатилетними пацанами.

Помню, у нас в избе висел плакат, на котором были нарисованы пушные звери и рядом – боевое оружие: водяная крыса – обойма патронов, белка – граната, колонок – автомат ППШ, соболь – станковый пулемет с длинным стволом.

Столько стоил каждый добытый зверек...

Первого зайца поймал в шесть лет. Первую лису в заячью петлю – в девять. Первое ружье отец купил мне в одиннадцать, поскольку закончил третий класс без троек. Это была «Белка» – комбинированное ружье 28-го калибра с мелкокалиберным верхним стволом, мечта всей жизни. Из него, случайно, с испугу, и добыл первого медведя в тринадцать, за что сразу же получил в школе прозвище – Медвежатник.

Конечно же я мечтал стать охотником, хотя отец все время заставлял учиться и говорил при этом: «Ружье да весло – хреновое ремесло». А сам при этом всю жизнь прожил с ружьем, веслом и еще с гармошкой русского строя, которая и досталась мне в наследство.

И еще досталась охотничья страсть, всякий раз будоражащая душу, как только весной услышу шварканье селезня, клик гусиных стай, и совсем уж затрепещет сердце, когда ранним утром в далеком, с седой дымкой, березовом перелеске забормочут на деревьях тетерева...

Охота – это когда ОХОТА

Про охоту и мамонтов

Помните, в школьных учебниках по истории Древнего мира были картинки: волосатые первобытные люди в шкурах загнали мамонта в ловчую яму и забивают его камнями? Подобное представление об охоте в далеком прошлом, мягко говоря, большая натяжка. Во времена, когда по земле бродили эти огромные и могучие животные, в изобилии существовали другие, более мелкие и легкие по добыче, травоядные. Например, ведущие стадный образ жизни туры, зубры, разные виды оленей, вепрей и прочих парнокопытных. Скорее всего, мамонт был первым прирученным диким зверем, причем табуированным, поскольку из-за своих размеров явно почитался как божество, и если использовался в хозяйстве древнего человека, то как тягловая сила. Пример тому Индия и индийцы, которые, как известно, ушли на свой полуостров в период оледенения и сразу же приручили слонов, а объектом охоты их сделали англичане, когда Индию обратили в колонию.

Охотники знают: мясо дикого крупного зверя (лося, медведя), очень жесткое, плохо печется на углях, и если варится, то долго и оттого становится безвкусным. Как известно, человек – существо всеядное, и история его развития говорит о том, что при благоприятных климате и условиях существования он больше употреблял растительную пищу, которой в нижней части четвертичного периода было предостаточно. Например, такой же всеядный медведь лишь ранней весной, от голода, когда нет ни ягод, ни посевов зерновых, ни горных рыбных рек, начинает охотиться на лосей (чаще новорожденных телят). Исключительно плотоядным медведь становится еще и от великой нужды, когда был поднят из берлоги среди зимы или согнан с места обитания таежным пожаром, оказавшись на чужой территории. В другое, благоприятное время его пища – овес, брусника, клюква, черемуха, рябина и прочие вегетарианские блюда.

Сытый человек в древности не занимался звероловством по определению, ибо тогда еще не существовало понятия охоты ради забавы и развлечения.

Такова психология всеядных.

На мамонтов люди начали охотиться в связи с похолоданием климата и в период последующего оледенения. Возможно, после того как началось одичание человека в связи с тяжелыми условиями жизни, ничто иное не могло подвигнуть его на нарушения табу. Доказательством тому служат не только употребление грубого мяса в пищу, но еще и использование мохнатых, толстых и теплых шкур в качестве постели, покрова шатров, бивней на каркас, черепов для строительства стен, а костей – *вместо топлива для костров*. То есть, когда люди охотились на мамонтов, в районах его обитания уже не существовало лесов и древесины. Если так, то и растительность была скудной, чтобы прокормить стада этих гигантских животных. Наверняка они были полуголодными, заморенными, как и люди, уходящие от надвигающегося ледника. И тогда избиение неспособных подняться на ноги мамонтов трудно назвать охотой. Скорее всего, племя дичающих наших прапредков добивало оставших от стада животных, останавливалось на некоторое время, пока было мясо, набиралось сил и брело дальше.

Такого павшего мамонтенка в 1974 году нашли в вечной мерзлоте на Таймыре. Весь полуостров и прилегающую территорию (Долгано-Ненецкий национальный округ) можно считать родиной мамонтов: выветрелые кости и бивни находили во многих речках, из позвонков получались легкие и прочные табуретки. Этот же был «свежемороженым» и только чуть подпорченным, наверное еще в ту эпоху, лежал под тонким слоем растепленного грунта. Ростом всего метра полтора и плоский, как камбала. Передать его ученым не удалось, поскольку было лето и достаточно тепло, поэтому с него содрали шерсть, вырубали коротенькие бивни и кусок почти

черного по цвету мяса на несколько килограммов. Правда, еще вскрыли брюхо: желудок и кишечник были совершенно чистыми, то есть несчастный мамонтенок умер от голода. Мясо экспедиционные бичи долго варили в ведре, трижды меняя воду, и все равно вонь стояла на весь поселок. И все-таки долго не решались попробовать, опасались трупного яда, дали кусок собакам – есть не стали, может, от того, что жили при кухне. Однако потом кто-то из буровиков рискнул: вроде ничего, говорили, даже вкусно, напоминает морскую капусту – это чтобы смазать других. Я не решился, отчего-то почувствовал отвращение, будто это человечина, но некоторые мужики съели по несколько мясных волокон, возможно, для того, чтобы потом говорить: «А я даже мамонтину ел!» В конце концов ведро с мясом вывалили на помойку, а брошенную в тундре тушу за сутки и с удовольствием доели голодные, по-летнему облезлые песцы.

Изначально звероловство возникло как жесткая необходимость пропитания, но не только. Человек бы мог вполне просуществовать и за счет растительной пищи, занимаясь собирательством, или жить «с сохи», но тогда вряд ли бы он стал *человеком разумным*. Известно же, для плодотворной работы мозга необходим животный белок, который никогда не заменит никакая, даже самая «белковая», травка или плод. Скажу больше, память и способность к анализу стали преобладать над природными инстинктами и безусловными рефлексам у представителей тех племен, в меню которых стало входить мясо животных. Возможно, вначале это были жучки-паучки, потом мелкие грызуны, которых мог поймать каждый. Развитие умственных способностей требовало этого самого белка, и человек, сам того не понимая, интуитивно стремился к добыче покрупнее. Так и появились первые охотники, которые отличались от остальных сметливостью, выносливостью, острым нюхом, слухом и глазом. Это вам не банан с пальмы сбить – надо выследить, подкрасться и добыть зверя.

По крайней мере, я абсолютно уверен, что технический прогресс начался с охотника, который *изобрел лук и стрелы* – оружие, совершенно не нужное собирателям корней, плодов и червячков. И произошло это, безусловно, на севере, в холодном климате, где надо было соображать, чтобы выжить, – в Африке не требовалось теплых жилищ, огня, одежды, сытной, согревающей мясной пищи (не зря говорят, на морозе не шуба, а еда греет), оружия и орудий производства. Поэтому некоторые вегетарианские племена там до сей поры остаются такими же, как и сто тысяч лет назад.

Звероловство сделало человека человеком.

И об этом надо бы помнить тем «защитникам» природы, которые, ковыряя вилкой котлету, разглагольствуют о «преступной» сущности охоты на диких животных и ратуют за полное ее запрещение. В Западной Европе, где в Средние века родилась и выросла самая негуманная, парфорсная охота, когда животных застреливали сворами собак, уже близок тот час, когда птиц и зверей наконец-то оставят в покое. Тем паче их осталось совсем мало. Но во что же тогда, в какую форму перелить потребность в охоте? Каким образом получить адреналин, которого, судя по СМИ, вечно не хватает? Ездить на сафари в Африку, в Россию?

В наш «гуманный» век нравы по отношению к Средним векам несколько изменились, поскольку и правда выпускать на поле по 15–20 смычек гончих (смычка – пара разнополых собак) как-то нехорошо, даже если ты король или президент. Нынешние вельможи заводят не псарни, а покупают футбольные клубы с футболистами, пестуют их, разводят, воруют, переманивают и больше покупают их, как некогда собак. Ходовой товар также хоккеисты, боксеры, борцы или просто женщины легкого поведения. Однако адреналина все равно не хватает, и вот уже в умах зреет, а вернее, навязчиво внедряется новый объект охоты – человек. Лицензий еще не продают, так что пока на HOMO SAPIENS можно поохотиться в компьютерной игре «Мэнхант» (Manhunt), посмотреть в кино, как об этом мечтают американцы, почитать в книгах и представить, как бы это было у нас (у А. Бушкова в «Охоте на Пиранию») или в телесериале «Кодекс чести-2» по сценарию Д. Карышева. Авторы дружно перебирают друг у друга сюжет, но на это никто не обращает внимания – объект охоты настолько оригинален, что есть над

чем поразмыслить, и тут, как говорят, повторенье – мать ученья. Ко всему прочему животных мало, а людей развелось много, и жизнь человеческая упала в цене. Под колесами автомобилей гибнут сотни тысяч, так неужели нельзя отстрелять несколько десятков по специальным разрешениям? Например, тех, кому нужна эвтаназия? Уголовников? Людей, одержимых суицидом? В обществе *потребления* всегда чего-нибудь хочется эдакого, например человечинки. Дай Бог, чтоб я оказался не прав.

Охота, это древнейшее занятие, сейчас в большей степени приобрело дорогой вид спорта, развлечение для состоятельных людей, однако во многих регионах страны, особенно на Севере и в Сибири, в ее отдаленных, традиционно промысловых районах, охота, рыбная ловля и сбор дикорастущих растений по-прежнему являются основным видом добывания средств к существованию. Там просто другой работы нет, тем паче что закрылись предприятия, разъезжаются северные поселки и вообще оголяется пространство, с такими трудами освоенное нашими предками. Охота для оставшихся – это сейчас спасение от полной нищеты. Что далеко ходить? В начале девяностых, когда закрылись все издательства, а деньги обесценились, я спасался в буквальном смысле от голода и помогал ближним практически одной охотой. Благо, что в те времена начальником охотуправления Вологодской области работал Валерий Дмитриевич Солдатенков, который сидел на «хлебном» месте и мог бы озолотиться, но всю жизнь оставался бессребреником, поскольку не начальству угождал и не новым русским, а подкармливал таких же, как я, тем, что давал лицензии на отстрел медведей и лосей.

И еще тогда появилась мысль, что наши российские охотничьи уголья со зверем и птицей – это самовосполняемый *стратегический запас*, доступ к которому имеет каждый живущий на этих просторах. Когда уже ничего нет, кормить начинает лес. Так во время войны, когда все здоровые мужики были на фронте, а часто случался неурожай или картошка к середине зимы сгнивала, деревня спасалась медвежатинной. В то время на косолапого лицензий не требовалось, это за лося могли и в тюрьму посадить, потому мой отец, еще будучи подростком, караулил зверя на колхозных овсах или искал берлоги по осени, когда белковал, и берег их до зимы. Берлога со зверем – это что твоя кладовая! Понадобилось – пришел и взял, а нет, так и пусть себе лежит, не испортится. Когда отец отстреливал медведя на берлоге (в одиночку, с одностволкой!), бабы и пацаны впрягались в конские сани (лошадь к зверю было не подвести), ехали в лес, грузили добычу и везли в деревню. А там снимали с него шкуру, причем ее сразу же выскребали, чтоб и жиринки не пропало, мясо делили на всех и таким образом поднимали военных ребятишек. И что любопытно, именно добыча и ее дележ превращали колхозников в настоящую *общину*, основанную на совести и справедливости. Например, долю увеличивали, если в семье был парень призывного возраста – хоть немного откормить следовало перед фронтом. Болящим давали внутренний жир, желчь, лапы, когти – это ведь не зверя добывали, а целую аптеку!

Уже в наше время есть много охотников, живущих в сельской местности, – в основном это пожилые люди, которые достаточно просто и надежно пополняют свой мясной рацион добычей легко восполнимого зверя – зайца. Не нужно ни лицензий, ни путевок, только гончак, ружье да опыт. И ходить далеко не нужно – несколько километров от деревни. За две-три недели, по чернотропу и первому снегу, зайчатники обеспечивают себя на всю зиму да еще детям в город посылают. И жалуются только, шкурки приходится выбрасывать, не принимают...

Мне кажется, в нашей стране с ее историческим укладом живущих с лова, к природным «запасам», включая дикорастущие, и следует относиться как к *общедоступному стратегическому запасу*. Русский человек, в жилах которого течет ловчая кровь, всегда способен воспользоваться им, и по неписаным законам никогда не станет злоупотреблять своей возможностью. Когда его положение таково, что он может прокормиться, например, за счет своего хозяйства и заработка, будьте уверены, человек не пойдет в лес и не станет стрелять все, что шевелится.

Другое дело, дабы утешить свою пламенную охотничью страсть, сходит раз-другой и успокоится.

Большинство охотников превращаются в ловцов (добыча ради пропитания), а то и браконьеров, в большей степени по экономическим причинам. Благополучный и сытый человек, если дружит с головой, вряд ли отправится в лес, чтобы безжалостно истреблять дичь; для него важен процесс, а более охотничья компания, с которой можно отдохнуть на природе, поговорить, выпить, помечтать. Короче, реализовать свою генетическую природу «живущего с лова». Посмотрите, много ли добычи на знаменитой картине «Охотники на привале»? А сколько страсти, любопытства, чувств!

За всю свою жизнь, всегда связанную с охотой, я перевидал многие сотни ловцов и браконьеров самого разного пошиба. Однако ни разу не встречал таких, кто бы в самом деле *нажился и разбогател* от охотничьего, пусть даже браконьерского, промысла. Например, никогда и нигде не видел, чтобы продавали не честно добытую дичь. От чистого сердца могут отвалить даже заднюю лосиную ляжку, но чтобы взять за это деньги?.. Несколько раз мне приходилось самому покупать «левые» шкурки ондатр на шапку, соболя на женский воротник, но, во-первых, все это продавалось очень дешево, во-вторых, промысловики, что таким образом спускали пушнину «налево», делали это от отчаяния, поскольку заготовительные организации их постоянно обманывали, вдвое, а то и втрое занижая цену. Я же помню, как отец чуть не плакал, когда добытые за зимний сезон полтора десятка соболей и полсотни норок у него принимали за четверть цены, обещая, что потом, когда-нибудь сделают доплату.

Ружье и весло впрямь хреновое ремесло: прокормиться можно, разжиться – никогда...

Штатные охотники, всю жизнь занимающиеся пушным промыслом, разбирались в качестве шкурок лучше, чем какой-нибудь сельповский, райпотребсоюзский или даже зверпромухозовский заготовитель. Попросту ни один настоящий охотник никогда не станет добывать «не вышедшего» зверька. «Зачем портить?» – обычно говорят они, и прежде чем начать отстрел или отлов, несколько раз сделают пробный, посмотрят, и если, к примеру, у белки подполь (чернота под мездрой) остается лишь на задних лапках, можно подождать день-два и смело начинать.

Но у заготовителей были свои приемы. Обычно к нам приезжал Ткачев, здоровый, жилистый и однорукий мужик. Вместо левой кисти у него был разрез между костями – эдакая клешня, которой он ловко брал бумаги. Он приезжал на лошади и, как купцы в прошлом, привозил с собой кое-какой товар, провиант (капсюли, порох, дробь) и, естественно, водку. А сдача пушнины – это для промысловика всегда праздник: «Загуляем, запьем и ворота запрем!» Ткачева встречали как родного, а если он приносил бутылку, кулек конфет ребятишкам да еще круг чесночной колбасы, было всеобщее счастье.

Сейчас я поражаюсь, до чего же мой родитель был наивным, хотя вроде бы считался умным, сметливым и даже мудрым, поскольку много читал. Они выпивали с заготовителем бутылку, отец выставлял свою, припрятанную для этого случая, и брался за гармошку. Они пели на два голоса красивую песню про любовь «Горят костры далекие...». Когда батя окончательно размякал, Ткачев начинал принимать пушнину, зачем-то выборочно вспарывая беличьи шкурки кухонным ножом. Бабушка в этот момент вмешиваться не смела и только делала отцу молчаливые знаки, чтоб он оставил это дело до утра, но тот, веселый и счастливый, уже ничего не замечал и играл на гармонии. Потом Ткачев писал бумаги, грузил мешки со шкурками в сани и уезжал на ночь глядя и несмотря на уговоры остаться.

Наутро отец тупо глядел в оставленные ему квитанции, что-то считал на бумажке и тихо матерился.

И это повторялось каждый год...

Промысловая охота

Несмотря на свой профессионализм и каждодневную, довольно однообразную работу, промысловые охотники – это самые увлеченные своим делом и страстные люди. Наверное, имеющие иной характер не смогли бы долго выносить одиночество в тайге, особенно в зимней, пустынной, где только синица свистнет, да и то протяжно, тоскливо, добавляя душе печали. Не вынесли бы самого главного испытания – неудачи, и не раз-другой, а, например, когда целый сезон псу под хвост. И не потому, что конченный неудачник или грешник, – бывают периоды, когда промысловый зверь мигрирует, например, из-за неурожая шишки, ягод, массовой гибели мышей; в общем, по причине слабой кормовой базы. А дома семья тоже без «кормовой базы», жена, которая наверняка станет ворчать, мол, иди в леспромхоз, там и деньги платят, восемь часов отработал и свободен; тут же месяцами в тайге и без толку. Он же отмолчится виновато, отдохнет день, котомку за плечи, топор за опояску, ружье на плечо, свистнул собаку и опять в тайгу.

Помню, отец приходил среди сезона мрачный и говорил – нет зверя... Это звучало как приговор. Собирался семейный совет – что делать? Как жить, если уже пятеро ребятишек? Однажды в отчаянии батя записался на курсы трактористов и каждый вечер стал ездить за семь километров учиться. Без особого восторга катался на тракторе, получил корочки, и все, открылась другая дорога, в леспромхоз, лес трелевать. А у него на путиках ловушки стоят настроженные, не оставишь, не бросишь. Встал на лыжи и три дня где-то ходил – домашние уж потеряли, забеспокоились, а отец пришел веселый, решительный, забросил права тракториста.

– Не брошу охоту! – сказал. – Ничего, больше картошки насадим, медведя уьем – проживем!

Есть на свете только три профессии, где одержимость – положительное качество: геолог, милиционер и охотник. Они будто родные братья, и всех, как волков, ноги кормят, все они следопыты, ходоки, стрелки. Ну ладно, любитель, волнуется перед открытием, места себе не находит, трепещет, словно легаш, почуявший дичь, а тут ведь каждый день в тайге, и всякий раз перед новым выходом вдруг застучит сердце, сдавит дыхание, и мысль в голове пугливая, манящая: «Ну как будет сегодня?»

Как перед первым свиданием!

Например, ружейная ходовая охота с собакой – это всегда какая-нибудь неожиданность, и потому целый день ходишь в предвкушении удачи и ожидании чуда: вот, вот сейчас заплачет, запоеет кобель с характерным и знакомым только тебе подвывом – взял горячий соболиный след! И пошел адреналин даже у самого бывалого, началась погоня! Тут уж все побоку, главное – не потерять в шуме ветра собачий голос. А бывает, попадетсся эдакий шустрый спортсмен по прыжкам и уходит верхом, с дерева на дерево, так что собака едва поспекает. Тебе же надо все время бежать и слушать полайку, а потерял, ни добычи, ни кобеля – хорошо, если потемну бросит и вернется. Ну как загонит в дуплистый валежник? Когда пес вязкий, по два-три дня будет землю рыть вокруг, снег хапать, но не бросит, потому что тоже азартный охотник и добыча – вот она, рядом! И он тебя день и ночь зовет, подает голос и почти кричит: «Что же ты не идешь?! Здесь он, держу!»

Охотнику не еда и не сон, если собака не вернулась, всю ночь зябнешь у костерка, не сомкнув глаз, и жжешь патроны, надеясь, что прибежит на выстрел. И ладно, если уже снег выпал, хоть не так черно вокруг...

Утром же, еще потемну, не выспавшийся и голодный, по лесу наугад – туда, где ночью вроде бы далекий лай слышался. Уши как локаторы, любой похожий звук ловишь, а лес поздней осенью пустой, гулкий, как колодец, от птичьего крика, от скрипа деревьев эхо бывает. И вот наконец-то ты явно различил уже полуохрипший лай пса, который в это мгновение ближе

тебе самого лучшего друга, ближе жены, детей и родителей. И снова адреналин, куда только вчерашняя усталость делась! Давай, давай, родной!.. Хорошо, если собачий голос на одном месте, значит, держит, а ну как опять сорвется и пойдет?.. Придремавший заяц из-под ног выскочил и, ошалевший, тут же сел на пути – пинка ему. Сегодня тебе повезло, а так бы пошел в котел, на приварок – от сухарей во рту уже кожа лохмотьями.

Ну вот, точно – старый ветровал крест-накрест и где-то там же изнывающий от азарта кобель. Проламываешься к нему на четвереньках и сам уже лаять готов, а пес лишь на мгновение отвлекся, вильнул хвостом, ухмыльнулся: «Ну наконец-то! Тебя где носило?» Конечно, лучше бы сейчас дуплистую колодину сетью обнести да отойти подальше вместе с кобелем – затравленный соболек тут и будет, потому как ему, вольному, тоже не сахар жить второй день под собачьим конвоем. Но нет сети, есть только топор и жажда выкурить зверюгу. Драную фуфайчонку долой, ружье поближе и давай рубить валежину. Она же сосновая, изнутри трухлявая, но сверху крепкая, смолевая – топор звенит. Разрубил пополам, а кобель уже лезет, нюхает, скулит – в которой половине соболек? В это время лучше всего отойти, отвести собаку и покурить с ружьем наизготовку. Ага, вот он! Высунул нос!.. Стрелять надо быстро и точно, чтоб всего одной дробинкой по голове – лучше промазать, и снова за топор, только б шкурку не попортить! И лучше в тот час ее снять, с горячей тушки, дабы не образовалось кровоподтека...

И если это попался не рыжий со светлым подпалом, а настоящий черный котяра с искрой по ости, то возвращаешься почти пьяный и веселый, в предвкушении счастья прийти в избушку, растопить печку, разогреть позавчерашнего вареного тетерева, а потом завалиться спать! Никто тебя не контролирует, никто не скажет: иди на работу. Можешь идти, можешь нет, потому что ты – *вольный*...

А пока мечтаешь, неугомный и голодный кобель, вроде бы у ног только что вертевшийся, вдруг опять подал голос! И с тем же азартным подвывом, как вчера!..

Пошла удача! Тьфу-тьфу-тьфу...

Кажется, совсем иное дело, когда навалит снегу и ты впервые в сезоне набьешь лыжню по путику и поглядишь, где и какой есть зверь. На второй день разнесешь капканы и приваду, и только на третий поставишь их в старых и новых хатках. Но на этом работа не кончилась, надо бить второй путик, потому что ходить по одному и проверять каждый день капканы – только зверя пугать. А когда их два или даже три, охватываешь намного больше пространства, и значит, выше шанс. Сибирские охотники, например, делают не замкнутые путики, а проходные, когда у тебя есть еще одна избушка на другом конце, где можно переночевать и, не теряя времени, вернуться на исходный рубеж уже другим путем. Вот и ходишь до «мертвого сезона» (с середины января до середины февраля) как челнок. На хорошем промысловом участке можно расставить до двухсот капканов самого разного назначения: в кедровниках по поймам, вдоль рек и речушек будет соболек, возле уреза воды на замерзших озерах и болотистых берегах – норка, колонок, горностаи, в сосновых борах на деревьях закрепляют плашки, поскольку здесь всю зиму будет выходить на кормежку белка.

Скажу вам, такая на первый взгляд спокойная и вялая охота еще интереснее, чем подвижная, ружейная. Например, расставишь эти двести ловушек, а потом лежишь в избушке, слушаешь по радио хриплый голос цивилизации и перебираешь в памяти каждую. И тут начинается своеобразная азартная игра – моделирование ситуации. Не знаю, что именно в этот момент включается в подсознании, но много раз, воображая себе, как ночью зверек вышел из укрытия на кормежку, уловил запах привады в хатке, покрутился возле, однако не запах капкана почуял – опасность. Вот он, невзирая на голод, уходит по снежной целине, перебегает лыжню и тут снова чует пищу, к примеру, разрубленного пополам, подпорченного еще осенью рябчика. Крадется к хатке, тянет черной пуговкой носа воздух – привада близко... И короткий, мягкий щелчок капкана! Передняя лапа зажата чуть ли не под лопатку. Зверек стремительно крутится, бьется, бросается в сторону, волоча за собой тяжелую потаску – есть добыча! Теперь не уйдет!

Несколько раз, таким образом вообразив ситуацию, наутро я бежал по путику и обнаруживал в реальности все с мельчайшей точностью деталей. Иногда становилось страшно, иногда – весело. Ладно, потом думал, я писатель и, может быть, у меня так мозги устроены – моделировать событие, предугадывать то, что случится. Тем более промысловой охотой я занимался мало и редко – приезжал к отцу на пару недель в сезон и у меня, как у человека нового, под впечатлениями лова разыгрывалась фантазия. Но однажды ночью проснулся от того, что батя, не зажигая света, торопливо собирался и в темноте ронял вещи.

– Ты куда? – спросил я.

Он лишь тихонько матерился, натягивая непросохшие валенки, и суетился.

– В Заломском кедраче соболь попал... Четырьмя пальцами... Открутит, собака, уйдет!..

Ты спи!

И бегом за дверь.

Через два с половиной часа, уже перед утром, он вернулся с соболем, который и в самом деле сидел в капкане лишь когтями передней лапы. Однако почему-то не радовался, а, напротив, смотрел мимо, кусал губы. Добычу подвесил на петельку под потолок и, словно забыв о ней, растопил железную печку и сел курить.

– Ты что это, батя? – спросил его осторожно.

Он встрепенулся.

– Чего не спишь?..

– Тебя можно поздравить! – Я вылез из-под одеяла.

– Хреново дело, Серега, – не сразу отозвался он. – Как подумаю, зверек к капкану идет, он тут и есть... Это же ненормально. Кто узнает, скажут, колдун...

Самое интересное, когда зверь не попадал в ловушку, хоть ты завоображайся и заколдуйся – ничего не получается. Можно даже на путик не выходить. То есть в какой-то определенный момент возникает некая связь между охотником и потенциальной добычей. Это что-то из области тонких материй – до сих пор я никак не могу даже себе объяснить этого феномена, хотя в разговорах с другими охотниками, в том числе и любителями, я слышал то же самое. Свалить все на случайность, на совпадение как-то слабовато, неубедительно. Однажды я добыл лицензию на лося и приехал к отцу. Он тогда уже капканничал, бегать за сохатыми не захотел – некогда, да и, мол, только ноги бить, нет зверя, за целый месяц один переход только и нашел. Я все-таки отважился и наудачу целую неделю нарезал круги в одиночку, эдак километров по двадцать – тайга пустая, как бубен!

Покуда работали леспромхозы, жили люди, повсюду ползали трактора, гремела узкоколейка, зверя было очень много, поскольку были огромные вырубки, на которых поднимался молодой осинник и ивняк. Редкий случай, когда пойдешь за грибами или на рыбалку и не увидишь лося. Но вскоре после того, как все лесоучастки в округе заглохли, люди разъехались, исчезла кормовая база – на вырубках поднялся высокий лес и зверь попросту ушел.

В общем, набегался я как собака, язык на плечо, и вот наконец рано утром батя разбудил меня и говорит:

– Ну-ка, поедем, попытаем счастья.

А у него на улице уже конь Семен запряжен и в санях лежит «подпольная» японская винтовка, которую он в избушке не держал, а прятал в одном ему известном тайнике.

Удачу пытаться мы поехали за двенадцать километров, на митюшанское Голубичное болото. На все мои вопросы отец лишь кулак мне показывал, дескать, молчи. Коня оставили на лугу и дальше пошли пешком – снег был еще по щиколотку. А уже светло, морозно, и мало того что погода совсем не подходящая, нигде вокруг ни единого лосиного следа, ни старого, ни свежего. Но батя идет себе и идет. Выходим к болоту, остановились в кромке, и вдруг он рукой показывает – видишь?

Это было чудо: на чистом месте, в болоте, стоит огромный рогач и расстояние до него метров двести! А снег скрипит, ветра нет, в общем, понятно, не подойти. Он же стоит, как в тире, подставив левый бок, и будто ждет.

Я бате шепчу, дай винтовку! Он опять мне кулак под нос – я сам.

Встал на колени, на мой взгляд, как-то неловко прицелился. Пули отливало и патроны заряжал он всегда сам, поскольку родных, японских, никогда и не было. После хлесткого на морозе выстрела лось опрокинулся на бок и даже копытом не брякнул.

И тут отец грустно сказал фразу, в смысл которой я сразу поверил:

– Помирать пришел.

Судя по отросткам на рогах – на одном восемнадцать, на другом – девятнадцать, он и в самом деле хорошо пожил на этом свете. Потом я обрезал его след: лось не упал с неба – приблел на болото со стороны Симоновского бора и не кормился, не набродил по снегу, а пришел и встал, подставившись под выстрел.

Не зря опытные охотники говорят, медведи, волки и прочие высокоорганизованные дикие животные, а также очень старые из породы оленей предчувствуют свою смерть и даже ищут ее. Может, каким-то образом они посылают сигнал и охотник оказывается в нужном месте и в нужный час?

Открытие охоты

Помните? Раннее утро, предрассветный час, туман на лугу в ложбинках, августовская, высокая отава в густой росе? И полная тишина, потому что ясное, чуть розоватое небо – потом будет яркий солнечный день. А сейчас еще в кустах темно, на лугу прохладно, а ты ползешь по этой отаве и уже мокрый до ушей. Где-то за взгорком, за полоской густого шиповника со зреющими ягодами, за кочками с осокой заветное озеро, на котором кормятся утки. Их хорошо слышно, но совсем не видно – только легкие волны разбегаются по глади воды – тут они, тут! Под самым берегом, под нависшей осокой! И снова ползешь, замирая через каждую минуту – не спугнул ли? Травинка щекочет нос, а чихнуть нельзя, и пучишь глаза, перетерпливая зуд, текут слезы.

Вставать рано, далековато, еще бы чуть-чуть, метров пять, чтоб уж наверняка, потому что в стволе всего один патрон, а надо взять одним выстрелом пару. Тогда отец даст сразу два патрона! С двумя-то можно охотиться целый день... Вот уже шиповник, жесткий, как колючая проволока. Приподнялся – ничего не видать! Кое-как прополз сквозь это заграждение, но и не почувствовал, что исцарапался. Еще немного и – вот они! Целый выводок давно вставших на крыло чирков, встают торчком, задирая хвосты вверх, что-то собирают со дна. И кажутся такими крупными – с гуся! Сердце стучит в горле, а надо успокоиться, набраться хладнокровия и выждать, когда сплывутся...

Новенькая, еще черная, вороненая «Белка» приятно тяжелит руки, винтовочный целик перед глазом, мушка плавает на конце ствола – руки трясутся, дыхание, как у загнанной лошади.

И счастливый миг – пара чирков сплылась, соединившись в сдвоенный силуэт. Замер, прицелился, но холостой ход длинный и спуск туговатый, к которому не привык палец... В момент выстрела все равно на мгновение зажмуришься! А открыл глаза – утки уходят вертикально вверх, дымный след от сгоревшего пороха клубится и висит в воздухе, изодранные бумажные пыжи падают на воду... А на воде пусто! Лишь пенный след от дробы да клочья бумаги, как лепестки лилий...

В первый миг недоумение, потом разочарование, горе – чувства изменяются так стремительно, что сливаются в слезы. Мир на минуту становится расплывчатым, а если еще выводок, сделав круг и не разобравшись по молодости, что это было, вновь плюхнет на воду – ты стоишь перед ним открыто и стонешь от бессилия, поскольку в стволе у тебя стреляная гильза, разве что вкусно воняющая сгоревшим дымным порошком...

Домой хоть не возвращайся – стыдобища...

Но если на воде забила крылом подстреленная утка и если еще их пара!.. Сапоги долой, штаны, рубаху – и в озеро. Достал, бережно положил на берег, чтоб пера не уронить (и так дробью посеколо), зуб на зуб не попадает, весь в гусяной коже, но все равно восторг горячее. Натянул мокрую одежду, схватил меткое ружье, добычу и бегом домой, потому что солнце еще не встало и, получив два патрона, можно успеть обскочить несколько озер.

А батя уже встал, хлопочет по хозяйству, и ты тут являешься – ружье за спиной, в руках по утке, с физиономией бывалого охотника, то есть как будто ничего не случилось. Правда, сил уже не хватает стягивать губы – расплзаются. Бросишь небрежно уток на крыльцо, снимешь ружье, демонстративно и небрежно проверишь, не заряжено ли, поставишь к стене и потом с деловым, уставшим видом выльешь воду из сапог.

Уходил на рассвете одиннадцатилетним пацаном, а вернулся мужчиной...

Охота – воспитание мужских чувств. И надо для этого совсем немного – желание, время и ноги.

И удачу.

Что бы ни говорили, а нет иного способа инициации – посвящения в таинство охоты, когда мальчики взрослеют в один момент. И вместо детского бесшабашного взгляда появляется затаенный, горделивый взор, пусть еще не мужчины, но отрока, уже ответственного и способного на поступок.

Сыновья моих друзей-охотников, в том числе и сын Алексей, все через это прошли в возрасте десяти – двенадцати лет. Конечно же, прежде чем дать ружье, пусть и с одним патроном, да отпустить на самостоятельную охоту, пацаны несколько лет таскались за нами, как подрастающие щенки, исполняли обязанности оруженосцев, носили рюкзаки с легкой пернатой добычей, искали подранков, и сразу было видно, из кого будет толк, кто заразится на всю жизнь ловчей страстью, а кто только пройдет «курс молодого бойца» и выберет потом другое увлечение.

Есть совершенно определенные признаки, по которым можно судить, будет охотничий толк из мальчишки или лучше вместо ружья потом купить ему скрипку и пусть себе пилит, что тоже совсем даже не плохо. Например, если надо встать очень рано, чтоб пойти на охоту, и вам приходится будить свое чадо – так лучше не тревожьте, пусть спит, не его это дело, нет в нем природного азарта, который заставляет вскакивать ночью и нетерпеливо ждать, когда же проснется отец и наступит вожделенный час. Если же вы почувствовали страстный детский интерес к охоте, начинайте развивать его, потренируйте в стрельбе, сначала из малокалиберной винтовки, затем из дробового ружья и наконец позвольте ему выстрелить по дичи.

Наши законы таковы, что все время приходится идти на вынужденные нарушения. Например, запрещено передавать свое оружие в чужие, а тем паче в несовершеннолетние руки, но если вы не сделаете этого, когда сыну десять – двенадцать лет, в восемнадцать уже будет поздно. Улица, общество, круг друзей разбудят у него другие увлечения и страсти.

Купленное мне ружье стало главным воспитательным инструментом отца. Получил двойку – на три дня лишился заветной «Белки», за хулиганство с пацанами на улице не увидишь охоты целую неделю, сбежал с уроков или вообще не пошел в школу – до конца сезона. При этом отец ружье не прятал, не убирал под замок; оно стояло за головкой родительской кровати вместе с другим оружием, но попробуй тронь без спроса!

Разумеется, перед первой самостоятельной охотой следует провести жесткий инструктаж, но он не спасет, если вы прежде не воспитали у сына аккуратность в обращении с оружием, а более – любовь к нему. Мальчишка, восторженно взирающий на ружье, никогда не станет баловаться и играть с ним. *Любовь к оружию* – это одно из самых таинственных и сильных мужских чувств, пожалуй, стоящее вровень с любовью к женщине. Если хотите, оно, оружие, делает из существа мужского пола мужчину. Это хорошо заметно в армии, в первые дни службы, когда парни наконец-то получают в руки автоматы. По тому, как они смотрят на них, как держат, чистят, как носят, можно с абсолютной уверенностью сказать, из кого что получится. Кроме того, в неотличимо похожих, стриженных наголо, одетых в одинаковые необмятые гимнастерки, одного возраста ребята сразу можно узнать, кто из них до призыва любил бродить по лесу с ружьем: охотники всегда выглядят старше, серьезнее, рассудительнее. И напротив, кто, кроме палки, прежде ничего не держал в руках, получив автоматы, начинали играть с ними как дети. Еще интереснее смотреть на них, когда первый раз вывозят на стрельбище: на огневом рубеже начинается откровенный «мандраж», руки трясутся, чему учили, моментально забыл, глаза полубезумные, автомат выходит из подчинения, стреляет куда захочет...

Старшиной второй роты у нас служил Головко, фронтовик, снайпер, наколотивший сотню фашистов, гордость части. В шестьдесят лет на перекладине уголок на одной руке делал, чего не мог никто, а орденов и медалей у него было, как у всех офицеров батальона, вместе взятых. Так вот, когда Головко по приказу комбата набрал и начал тренировать отделение снайперов, оказалось, что из десяти человек все десять – охотники, сибиряки, вологжане и

один архангелогородец! Стали формировать отделение разведки, и опять девять охотников, десятым взяли недоученного студента, сносно знающего английский.

И все-таки любовь к охоте начинается с любви к природе.

Кто из нас в детстве не ждал весны? После сумеречной, долгой зимы, после метельного февраля, когда вроде бы уж солнце щеку греет и на открытых местах начинают подтаивать санные колеи, а возле куч из конских яблок зачирикают воробьи; когда уж чудится, еще чуть – и ручьи побегут, вдруг на Масленицу случится пурга, заметет все дороги и столько снегу навалит, что уж кажется, не растаять ему никогда. И от отчаяния, почти каждый год, я совершал тайный огненный ритуал – топил снег. Никто меня этому не учил – была определенная внутренняя потребность, как позже выяснилось, я совершал древний ритуал солнцепоклонников, причем по всем канонам, о которых и представления не имел. По дороге из школы, а она была за семь километров, сходил с дороги в лес, на высокий материковый берег, по краю которого стояли огромные сосны, – это было мое заветное место, – и разводил костер, прямо на снегу. Высокий открытый увал притягивал простором, который открывался на много километров, и было ощущение полета над землей, ибо внизу, под замшелым яром, в пойме стояли высокие болотные кедры и я словно парил над их верхушками вместе с костром. Здесь раньше всего сходил снег, и мне казалось, если его здесь растопить, то движение тепла ускорится и наступит весна. На дрова шли толстые сосновые сучья, давно отсохшие и потому тяжелые от смолы. Горели они ярко, с треском и черным дымом, испуская такой жар, что сугроб оседал на глазах, вытаивалась огромная яма и под ногами оказывалась совершенно сухая песчаная земля, потому что снег испарялся и улетал в небо.

Я прыгал вокруг огня и повторял придуманные еще давно заклинания – абракадабру, несвязный набор звуков, но непременно с буквой Р в каждом слове. Но под этим подразумевалось примерно следующее:

– Хочу, чтоб пришла весна. Хочу, чтоб растаял снег! Хочу, чтоб прилетели скворцы!

Это была просто игра.

Но по моему хотению на следующий день начинали стучать весенние барабанщики – дятлы. Они выбирали самый звонкий сухой сучок и долбили его, словно отбойным молотком, и получался разноголосый, раскатистый треск, и у кого он был звонче, мелодичнее, к тому и прилетела самочка. От дневного солнца, как от костра, снег оседал, становился ноздреватым и крупитчатым, а ночью подмерзал, и получался крепчайший наст. К концу марта он уже спокойно держал взрослого человека, и можно было ходить без лыж, куда захочешь, и даже ездить на велосипеде.

Тогда мы и шли с отцом на *подслух*. Ружей не брали, поскольку это была не охота, а скорее тренировка и прогулка по утреннему лесу. Самый ближний глухариный ток находился в бору, на кромке верхового болота, километров семь от деревни. Его когда-то, еще до войны, нашел мой дед, и с тех пор это было наше, семейное хозяйство. Выходили мы еще затемно и огородами, чтоб никто не увидел, и все равно еще некоторое время стояли у опушки леса, дабы отследить, не увязался ли кто за нами. Были такие ловкачи, коим самим-то лень тока искать, так ходят и высматривают чужие.

И потом некоторое время шли с оглядкой и остановками, чтоб послушать, не крадутся ли следом. Кроме того, отец еще по-медвежьи круг заложит и встанет возле своего следа. Выдать свой ток – это беда: на следующее утро побегут с ружьем и перестреляют глухарей, поскольку они будто бы не твои. Если ты нашел ток – держи язык за зубами и никому не показывай, потому что это, считай, твой курятник: когда захотел, тогда пришел и взял петуха. А чужаку что их беречь? Бывало, что за одну охоту били по несколько глухарей и тем самым уничтожали ток, возможно существовавший на этом месте не одну сотню лет. В нашем таежном краю не было ни егерей, ни охотоведов, ни милиционеров, поэтому правила охоты были неписаными, строгими и наверняка древними: добыть одного можно было, если на току поет не меньше пяти

петухов и ждут своего часа два-три «кряхтуна» – молодых, еще не токующих глухарей. Причем ни в коем случае нельзя стрелять запевалу – петуха, который запоет первым. Это «начальник», старейшина, командир, главный распорядитель, убьешь его, и ток может разлететься по другим местам. И под самым страшным запретом – копалухи, глухие тетери, которые иногда прилетают, садятся у тебя над головой и кудахчут, как куры.

И вот мы идем с отцом по насту, на рассвете, под дятлиный перестук, под далекий, клочущий тетеревиный напев и под весенний свист синиц. Это пока все, что ожило в тайге, но пройдет неделя-другая, и в предутренний час оглохнешь от разноголосья птиц, иной раз чуть припозднится – и на току даже глухарей не слышно в этом вселенском гаме. Вот уже близко, осталось – нырнуть в глубокий пихтовый лог, потом взойти на увал и будет поросшее чахлым сосняком клюквенное болото. В логу снег не проморозило, наст не выдерживает, и отец вдруг валится по пояс. Барахтается в рыхлом, как соль, сугробе, забывшись, хохочет, выползает на четвереньках и ложится на наст.

– Смотри, какая красота, Серега!

Сразу же над вершинами пихт густое синее небо, подсвеченное с востока малиновыми сполохами, и ощущение первозданности и чистоты, предчувствие весны и надежды, что в мире ничего дурного не случится, и потому отцу так радостно в эту минуту. А ему всего тридцать три года, но на шее пятеро детей, двое стариков и больная жена – моя мама, которой уже через год не станет...

Мы поднимаемся на увал, и только тут в отце просыпается охотник. Он поднимает палец, потом указывает куда-то в лес – слушай! Все, теперь разговаривать нельзя и общаться можно только знаками. Ток совсем близко, и уже видны за болотом высокие сосны, на которых обычно поют глухари. Однако их пока не слышать, и лишь дятлы трещат со всех сторон, отвлекая слух. Подходим краем болота поближе, замираем в сотне метров от сосен, и теперь явственно слышны гортанные щелчки – есть! Второе, шипящее колено песни растворяется в шорохе крови в ушах. И вдруг защелкал еще один, ближе к нам, однако как-то неуверенно, словно ком у него в горле: два-три щелчка, и замер – никак не может распеться! Тем временем затоковал следующий, кажется, где-то в болоте, за ним еще, и еще, так что уже трудно определить точное место.

Отец отбивает пальцем ритм – это значит, надо сосчитать, сколько птиц поет на току. Я отчетливо слышу только трех и четвертого, ближнего, который не может распеться, но показываю растопыренную пятерню. Батя ухмыляется и молчит, самозабвенно внимая редкостным в природе и древним звукам – гкхо-гкхо-гкхо. И вдруг, нарушая все правила, говорит:

– Вот и весна пришла...

Зарево за болотом разливается вполнеба, и наст становится сине-розовым, волнистым, как стиральная доска. Морозец на восходе крепчает, и вместе с первыми лучами бежит над землей едва уловимый ветерок – солнечный. Все на мгновение замирает, а потом трещит, щелкает и скворчит с новой силой. И даже ближний вдруг перестал заикаться, голос его сорвался в раскат и наконец-то заточил, заскворчал и на три-четыре секунды стал воистину глухарем.

Я жду команды, но отец снял шапку, слушает и словно забыл про меня, а уже поздно – солнце всходит! И тут батя вспомнил, показал глазами на зайку, и я в тот час сорвался с места под его песню. Три быстрых шага по шуршащему насту и – замер. Еще три – и снова застыл, жду. А ближний глухарь распелся и теперь долбит без остановки – подходить к такому одно удовольствие. Бывает ведь, замолчит и стоишь, как дурак, до четверти часа, пока не соизволит снова запеть.

Уже определил сосну, из кроны которой доносится пение, но сам глухарь где-то в ветках с другой стороны дерева. И это хорошо, что он не видит меня, поскольку уже светло, а эта чуткая, сторожкая птица хоть и на секунды утрачивает слух, но при этом не теряет зрение и реагирует на любой движущийся предмет. Неосторожно замельтешил у него перед глазами –

вмиг сорвется и поминай как звали, а за ним всполошатся тетери. Одним словом, тревога на току, остальные глухари, если не слетят, то уж точно замолчат, – вот тебе вся охота. А потом еще от бати, невзирая на его весеннее настроение, услышишь все, что он про тебя думает и кто ты на самом деле...

Поэтому прикрываюсь деревом, делаю под песню всего по два шага и не дышу, когда глухарь молчит или шелкает. И вот прилип к сосне, выглядываю – крупный петух сидит на суку почти у самого ствола, распущенный хвост обрамлен «сединой» – концы перьев белые, это значит, старый, поживший на свете глухарина. Вытягивает шею, гортанно шелкает и как-то замороженно, самозабвенно, шепеляво скворчит – звуки, радующие охотничье сердце и одновременно цепенящие, ибо в их исключительной необычности чудится не птичья песня – предание старины глубокой, заклинание, священный гимн восходящему весеннему солнцу.

Стоит поддаться этому чувству, окунуться в бессознательную память древности – и выстрелить рука не поднимется. Кто охотился на токующего глухаря, тот знает, насколько сильно очарование его голоса.

Конечно, будь у меня ружье, я бы вряд ли задумывался, заслушивался и поддавался воображению; прицелился, затаил дыхание и уронил бы петуха на наст. Потому что в двенадцать лет соотношение чувств и желаний, как те же два колена глухариной песни: ты уже слышишь и ощущаешь таинства природы, но от страсти показать себя, от неуправляемой отроческой жажды самореализации вдруг становишься глухим.

По крайней мере, на момент выстрела...

А солнце, между прочим, уже поднялось над землей, согрело щеку, дохнуло весенним теплым ветерком. Глухарь замолк – то ли на солнце грелся, то ли притомился, поэтому я стоял не шевелясь, смотрел на него, мысленно прицеливался и ждал, когда вновь запоет, чтобы уйти неслышно и не спугнуть. Он же ходит по сучку, духарится, распуская хвост, изредка поцокивает – ну точно драчливый мужик! И вдруг на болотную чистину откуда-то сбоку с шумом опустился глухарь, распустил крылья, забегал кругами. Мой в тот час всполошился, несколько раз подпрыгнул на суку, хлопал крыльями, словно пробуя кулаки и, как пикирующий штурмовик, спланировал к сопернику. И в тот час запрыгал на наст, как резиновый, заходил, вычерчивая маховыми перьями круги, и внезапно ударил крыльями так резко, словно в утреннем прозрачном воздухе солдатским одеялом хлопнули, выбивая пыль, и эхо забилось на другом краю болота. А я рот разинул – никогда еще такого не видывал! И совсем забыл о времени и что меня ждет отец. Лишь случайно оглянувшись, увидел, что он уже пляшет на кромке болота, руками машет и, должно быть, матерится.

Я попятился задом до ближайших сосен, там развернулся и помчался к лесу – глухарям было не до меня. Все-таки весеннее утро на бату действовало – он не ругался, а только спросил выразительно:

– Каким местом думаешь? Наст распускается!

И мы понеслись со всех ног. В логу снег опять валился лишь под отцом, а меня держал, но когда забрались на увал, ближе к солнцу, и побежали по старым вырубкам, наст проседал даже у меня под валенками. А чем дальше, тем больше. Отец несколько раз увязал по грудь, однако не сердился, выползал из провала, лежал на спине и радовался:

– Весна! Мать ее яти!..

Потом мы пошли другим, более дальним путем – к дороге, по молодым борам, где наст еще держался, и все равно последний километр ползли, а больше перекатывались и громко хохотали – от того, что кружилась голова, было совсем тепло и впереди было ощущение теперь уж близкого лета. Когда выкатились на прохоровскую дорогу, долго отлеживались, а потом сидели на обочине. Батя курил махорку, шурился на солнце и отчего-то печально улыбался...

С той поры и стало для меня ощущением весны и отсчетом времени года – охота на глухариную току. Бывало, если не удастся вырваться на ток и послушать священный гимн солнцу,

то вроде бы все еще зима до самого июня, а лето дождливое, слякотное, постепенно переходящее в осень – утрачивались краски времен года...

Адреналин и немцы

И все же настоящее испытание для начинающего охотника, особенно человека молодого, и своеобразное посвящение происходит на зверовой охоте. Можно всю жизнь стрелять птичек, натопом или из-под собаки, точно так же можно гонять зайчиков, и это все жутко интересно и увлекательно. Можно ловить капканами, кулемками и пастями пушного зверька и никогда не испытать истинного потрясения, добыв, например, крупного хищного зверя – волка, медведя или матерого секача.

В принципе, каждый охотник, будь то зайчатник, «легушатник» или благородный перепелятник, втайне жаждет такой охоты, другое дело, не у всех есть возможность купить лицензию на отстрел или попросту не каждый обладает необходимыми для зверовой охоты навыками и качествами. Но при случае мало кто из них удержится и не выстрелит по шумовому и в общем-то безобидному лосю и чаще только «испортит» его – самый большой процент браконьеров как раз среди таких «зайчатников». Каждую осень, в ноябре, с началом лосиной охоты каждый пятый отстрелянный зверь оказывается с дробовым ранением, потому что с сентября открывается охота на зайцев. А сколько таких подранков погибает?

Зверовая охота – это чаще всего в определенной степени поединок со зверем, а значит, требуется смелость, самообладание и хладнокровие. Сейчас, когда охота медленно превращается в развлечение, можно услышать, де мол, это своеобразный экстрим, выработка адреналина, собственно, для чего состоятельные и благополучные люди увлекаются этой забавой. Если он попер в кровь, сбивается дыхание, трясутся руки, туманится разум и возникают все прочие неудобства, вплоть до расслабления кишечника и мочевого пузыря.

Это мы проходили, когда в начале девяностых, дабы не умереть с голоду, областные охотуправления стали устраивать иностранные охоты. Американцы приезжали на глухарей, немцы – за медведем, или наоборот. И вот однажды мне пришлось вместо егеря водить одного сытого, с пивным животом и достаточно молодого доктора на овсяное поле. Лабаз там был высокий – метра четыре и по тем временам удобный: не на жердочке сидеть, а на сиденье из доски, и под ногами целая площадка, и упоры для карабина с трех сторон, только крыши нет. Посеянные егерями овсы на закрытом со всех сторон польке уже хорошо побиты вдоль опушки, кругом свежий помет. А винтовка у моего немца – только позавидовать: крупнокалиберный «манлихер» с цейсовской десятикратной оптикой. В общем, успех был гарантирован. Правда, доктору, весом в полтора центнера, оказалось трудно забраться на лабаз, но он кое-как заполз по лестнице без перил на четвереньках и сел.

Когда же отпыхался и успокоился, то стал меланхолический и даже какой-то полудремлиющий. Ну, думаю, это хорошо, психика нормальная, не дерганый – переводчик сказал, будто он в Африке охотился чуть ли не даже на слонов. Сидим полчаса, и тут немец заерзал, достал из рюкзака гремучий, как жезл, пакет с остро пахнущими копчеными колбасками, банку пива и со щипящим щелчком открыл крышку. Я ему сказал «нихт тринкен» и показал на пальцах, что делать этого нельзя и лучше все спрятать, – он понял, но пожестиковал, что, мол, я без пива не могу. В конце концов, он же отдохнуть приехал, получить удовольствие. Тогда я погрозил пальцем. Доктор отодвинулся от меня, однако пиво выпил и стал сдирать с колбаски шкурку – треск на все поле! Пришлось поднести к носу кулак. Немец посмотрел, как на партизана, и стал шепотом ругаться, верно, полагая, что я ничего не понимаю. Тогда я послал его по-русски и добавил, мол, сейчас «геен нах хауз», а ты сиди тут один.

Рассориться мы не успели, поскольку в лесу послышался легкий, повторяемый треск – прежде чем выйти на поле, зверь нарезал круг, дабы вынюхать пространство. Но тут в низкорослом овсе замелькали любопытные мордашки медвежат – целых три! Немец их узрел, а поскольку был насмерть заинструирован и запуган штрафами, то, когда на поле вышла

медведица, торопливо, хотя со знанием дела, затараторил: «Муттер-киндер – найн!» И стал с любопытством наблюдать за семейством через узенький, чуть ли не театральный бинокль – фотоаппарата у него почему-то не оказалось.

Звери паслись всего в сорока метрах – мы сидели с подветренной стороны, и зрелище было редкостным, так что дыхание остановилось само по себе: ведь перед тобой целая семья диких зверей! Олицетворение истинной живой природы – чуткой, осторожной, но ты замер и буквально наслаждаешься недолгим контактом, пусть хотя бы зрительным. Не знаю, я до сих пор ощущаю некое очарование, когда вижу подобное сакральное зрелище.

Детеныши овса не ели, резвились возле матушки, как всякие ребяташки, а она, матерая красавица с узкой хищной головкой, торопливо хапала колосья, загибая лапой, и иногда вдруг вздымалась в свой трехметровый рост, настороженно озиралась и встряхивалась словно от озноба, отчего ее сытое, лоснящееся тело колыхалось и поблескивало в заходящем солнце. Кажется, машинально немец вынул из рюкзака банку пива и оглушительно пшикнул крышкой – семейство будто ветром сдуло! Ветка не треснула в лесу, заросли зрелого кипрея на опушке лишь чуть шелохнулись, испуская пушистое семя.

На сей раз я ничего не стал говорить немцу, который обескураженно озирался и одновременно вливал в себя пиво, однако решил отомстить ему тем же, как только придет срок, устроить ему эдакий Сталинград. А он опустошил одну банку, затем вторую, и в это время в лесу опять защелкали сухие сучья под медвежьей лапой, и еще сорока стрекотнула – везет же немцу! Я подумал, возвращается многодетная мамаша, однако через минуту звук сместился в сторону лабаза, что было невероятно для спугнутой медведицы – зверь всегда точно определяет место источника звука.

Доктор слышал треск, глядел на меня, ждал команды.

– Муттер-киндер? – спросил он настороженным шепотом.

– Гросфатер, – мстительно пошутил я и узрел, как расширяются его зрачки.

Немец поднял карабин, положил ствол на упор и глянул в прицел. И тут я без прицела увидел зверя, который вывалил на поле без всякой опаски, встал в двух десятках метров от лабаза и начал жадно пожирать овес. Это и в самом деле был дедушка – лет эдак на двенадцать! Причем самчина почти черного цвета, отчего шерсть блестела и переливалась, а огромная голова, как у человека, с густой желтоватой проседью – воистину дедушка!

В этот миг я чуть ли не до слез, до обиженного бессильного скуления пожалел, что такого редкого красавца возьмет немец. Но что делать – удача есть удача, а эта охотничья богиня лучше нас знает, какого зверя и кому посылать...

Я тронул доктора за плечо и показал пальцем нажатие спускового крючка. И в тот же миг узрел, как могучее сердце доктора, словно осьминог чернила, выплеснуло расплывчатое облако адреналина; сначала от него запахло мускусным запахом пота, затем дрожь пробежала по тучному телу, и лабаз вместе с деревьями содрогнулись от крупного мандража. И наконец, доктор задышал, как загнанный конь, – часто, громко и с нутряным подвывом! Этот меланхоличный человек, еще недавно с полным спокойствием наблюдавший за медвежьей семьей, вдруг настолько перепугался, что полностью утратил самообладание. Стало понятно, что выстрелить в таком состоянии, тем паче попасть в зверя он просто не способен.

Зверь же с треском рвал пастью овсяные колосья, громко чавкал и пока что ничего не слышал и не чуял – должно быть, истосковался на ягодах по белковому, хлебному корму. Или просто глуховат был от старости.

– Шиссен. – Я еще раз толкнул его в плечо и понял, что сделал это зря.

Карабин у него был заряжен, следовало только свернуть почти бесшумный предохранитель, нажать шнеллер, положить упитанный пальчик на спусковой крючок – и всю жизнь гордись трофеем! Немец же попытался передернуть затвор, и я едва удержал его прыгающую мокрую и скользкую руку – малейший механический звук, и зверь в два прыжка уйдет в лес.

– Шиссен! – в ухо пробубнил я. – Фойер!

Пусть выстрелит! Все равно промажет, и зверь не уедет в Германию!

Он в ужасе покосился на меня – я увидел глаза безумца, на мгновение ослабил руку, и доктор все-таки клацнул затвором, выбросив патрон из патронника.

Медведь, словно черный шар, дважды подпрыгнул, не касаясь земли, и в мгновение пропал в густом опушечном подлеске. Немец все еще трясся, дышал и хлопал глазами, плясая на пустое поле. Зверь был перед глазами всего около минуты, и от этого, должно быть, доктору теперь казалось, что «гроссфатер» ему привиделся. Он озирался беспомощно и все никак не мог справиться с адреналином. Когда же наконец пришел в себя и увидел у ноги выброшенный из ствола патрон, начал хлопать себя по голове и ругаться, так что пришлось заткнуть ему рот банкой пива. Лишь вкусив его, немец замолчал, потускнел и потом сбивчивым шепотом стал мне что-то горестно рассказывать. Позже переводчик объяснил, что привези доктор подобный редчайший трофей – черную шкуру «гроссфатера» с седой головой, не только поездка на охоту в Россию обошлась бы для него бесплатно, но он бы еще на такую же сумму получил всяких наград и призов.

От расстройства у доктора развился аппетит, и он с моего молчаливого согласия молотил свои вонькие колбаски, закусывал их ломтиками ветчины, нарезаая ее острейшим золингеновским ножом, и выпил одну за одной банок шесть пива. И какой гад – хоть бы что-нибудь предложил своему «егерю»! Было понятно, что охоты сегодня уже не будет, – дважды такое счастье не подваливает, однако светлого времени оставалось еще часа полтора, и я решил сидеть дотемна, чтоб не было потом лишних разговоров, что я до срока снял немца с лабаза и не дал ему поохотиться. Прошло около получаса, и пиво сделало свое дело, пришел срок наказания за непослушание. После адреналина и стресса гордыня с доктора слетела, он как-то виновато поглядел на меня и шепчет:

– Пи-пи. – Фразу по-немецки, что-то о мочевом пузыре и снова: – Пи-пи.

Я сделал зверское лицо и конкретно поднес кулак к носу – стоит сделать пи-пи с лабаза и можно дня три на это поле не приходить. Однако на пальцах этого объяснить не мог, поэтому сказал мстительно и то, что он понимал:

– За пи-пи – штраф. Сталинград.

Он взглянул дико и чуть ли не за карманы схватился. И в этот момент случилось невероятное – видно, богиня охоты Удача решила до конца испытать немца: снова треск в лесу, теперь с другой стороны, и на поле выходит еще один зверь, бурый, года на четыре, судя по большой голове, самец, и начинает кормиться сразу же от края поля. Расстояние полста метров, причем медведь сидит на заднице левым боком к нам, как в тире, правда, для того чтобы стрелять, немцу надо сделать поворот в мою сторону. Показываю ему пальцем – наконец-то увидел, запыхтел, опять затрясся, кое-как развернулся, а в прицел поймать зверя не может, поскольку карабин в руках пляшет и даже стучит по упору. И вдруг его тряска как-то смикшировалась, доктор отнял глаз от окуляра и совершенно трезвым голосом произнес: – Кляйне, – мол. – Нихт шиссен.

Дескать, мне нужен «гроссфатер»! А за такого маленького, до ста пятидесяти килограммов, медведя его могут в немецком клубе оштрафовать – это потом переводчик объяснил.

Тем самым он окончательно меня достал: надо же как устроено у них на Западе – вспомнит про свои деньги и от нежелания расставаться с ними даже страх проходит, переполненный мочевой пузырь успокаивается, адреналин прекращает поступать в кровь!

Ладно, кое-как досидели мы до сумерек, медведь покормился и ушел, стало тихо до звона в ушах, и только доктор уже ерзает от нетерпения. Спустились с лабаза, и тут он пристраивается к дереву делать пи-пи. Я ему опять кулак под нос – «геен нах хауз», нельзя в пределах кормовой площадки! Идем по полю наискосок, немец катится вприпрыжку так, что в рюкзачке пустые банки брякают: аккуратный, мусор с собой забрал. Все время отставал, но здесь обгоняет меня,

чешет впереди, видно, не вмоготу уже, боится не донести до леса. И надо же такому случиться – из темной, непроглядной кромки вдруг ломанулся медведь: тот ли, что пасся, другой ли, но так зарюхал и затрещал, что от неожиданности и я-то вздрогнул.

А немец остолбенел и под ним откровенно зажурчало.

Три дня на это поле мы потом не ходили...

Другой случай произошел с американцем, да не простым – олимпийским чемпионом по стендовой стрельбе, который приехал в Россию на глухариную охоту. Каждую весну я старался освободиться от дел, вырваться и хотя бы послушать глухаря. Покуда не проводили иностранных охот, все было проще, даже условно «свой» ток был, а тут приезжаю, а мне егеря говорят, мол, извини, американцы приехали, сначала они, а потом ты. Или, говорят, тебе-то все равно как, лишь бы на ток сходить: присоединяйся к егерю с иностранцем и топайте. Дескать, тебе интересно будет с американцем покалякать, он даже немного русский понимает. И вот мы отправились втроем: егерь Валя Лысков, ныне покойный, невысокий и крепкий такой парень, американец – этот самый олимпийский чемпион и я. Вышли вечером, километров восемь по тающим снегам пехом, остановились на ночлег уже в темноте, потому на подслух я в одиночку пошел. А токовое болото водой залило, и среди этого озера сосновая грива, где и собрались глухари. Наслушался их всласть, вернулся к костру и объясняю чемпиону, что на ток ему не пройти в ботинках, воды выше колена, и бродни свои предлагаю. Он примерил – не лезут, лапа тоже чемпионская, у Валентина же еще на два размера меньше – хоть назад возвращайся. Я ему говорю, мол, давай я утром сбегая, добуду петуха тебе и домой пойдем. Но американец ни в какую, дескать, я заплатил деньги за удовольствие и потому сам должен отстрелять и получить его, да еще расхрабрился, поскольку к бутылке приложился и маячит, мол, выпью виски и вброд пойду: видно, не понимает, что вода ледяная и воспаление легких обеспечено.

До утра просидели у костерка, подремали, чуть свет подходим к болоту, чемпион воду потрогал и глаза вытаращил. Я остался на берегу, а Валентин – вот же проклятая егерская работа! – посадил американца на плечи и стал подходить с ним к поющему глухарю. Поднес, пальцем указал, а олимпийский чемпион – промахнулся! С тридцати шагов по сидячему не попал! Валя его чуть в воду не сбросил от злости, и хорошо, что глухари привыкли к иносказательной русской речи, а американец не понимал ее, а то бы в ООН пожаловался. А так лопочет, мол, стресс, стресс – впервые увидел такую птицу, взволновался и рука дрогнула. Конечно, это не по глиняным тарелочкам палить. Егерь говорит, чемпиона наверху так затрясло, что у него внизу аж зубы зачалаки.

Поставил его Валентин на сухую гриву и показывает на пальцах, дескать, ты тут можешь охотиться, а мы домой пошли – чтоб напугать. Тот сел на камень у воды, как Алenuшка, и сидит. Егерь приходит ко мне, матерится, столько времени убил, на плечах возил и в результате ничего не заработал: за каждого отстрелянного глухаря им по 50 долларов платили. И тут у нас созрел замысел, как вернуть Валентину деньги, не зря же извозчиком работал. Я зашел с другой стороны тока, отстрелял глухаря и бросил его на гриве, а Валентин растолковал чемпиону, что тот промахнуться никак не мог, значит, точно ранил, дескать, пошли искать. Повел его по гриве и нашел – все довольны, американец же по этому случаю и дабы стресс снять так принял на грудь своей самогонки, что потом под руки вели.

Я вовсе не хочу сказать, что охотники-иностранцы все такие недотепы. Встречаются вполне достойные, стреляют метко, и уезжают с трофеями, и потом даже книжки пишут, как охотились в России. Речь совсем о другом: наша страна для них, после того как поднялся «железный занавес», нечто таинственное, непознанное, отстало-таежное, где живут дикие, злобные люди. Западная пропаганда забила в их подсознание определенный и весьма стойкий стереотип мышления, повинуюсь которому они испытывают легкий шок уже потому, что находятся на территории российских городов, а когда приезжают в глухомань, этот градус заметно повышается – природа дикая, люди непривычные! И вот на этот *достаточно высокий уро-*

вень непроходящего стресса накладывается другой, охотничий, когда надо стрелять, и в сумме получается многовато. Кстати, однажды я наблюдал потрясающую картину общения наших детей 10–12 лет из деревни Сметанино с приехавшими туда на охоту американцами. Пошли граждане свободных США на прогулку без переводчика, встречаются босых пацанов на улице и, видимо по опыту подобных контактов где-нибудь в Африке, достают металлические доллары и дают каждому. Те подачки берут, говорят «спасибо» и тут же достают из карманов кто сто, кто двестирублевые купюры (неденоминированных рублей, а коробок спичек стоил сто пятьдесят) и подают американцам. Те ошалело принимают, разглядывают и стоят с разинутыми ртами, не зная, как к этому относиться. Пацаны уходят своей дорогой, а эти скорее к переводчику, спрашивать, что это значит. После этого случая отношение к русским у американцев резко изменилось – в положительную сторону, однако для них все равно осталось загадкой, почему босоногие деревенские ребятишки ходят с такими деньгами.

Переизбыток адреналина на зверовой охоте, впрочем, как и пива, ни к чему, кроме паники и беды, не приводит. Скажу больше – и бывалые охотники это подтвердят – *адреналин и охота вещи не совместимые*, хотя одного без другого не бывает. Значительная доля подранков, «испорченных» зверей получается исключительно по этой причине; и только на втором месте стоят неопытность стрелка, недостаточная убойность оружия и боеприпасов. Когда я работал геологом, мой маршрутчик Толя Сергиенко, по совместительству охотник (зимой занимался пушным и зверовым ловом), на моих глазах стрелял лося из мелкокалиберной винтовки – в шейные позвонки. И зверь падал как подрубленный. У опытных промысловиков есть такое понятие, как «выстрел по месту». А для того чтобы точно выцелить эту убойную точку, требуется абсолютное хладнокровие. В конце концов, если уместно говорить о гуманизме на охоте, это не гуманно – бить не наповал, доставлять мучения животному, и хуже того, делать подранков, которые уходят и впоследствии обречены на болезнь и чаще гибель.

На мой взгляд, начинающим звероловам и особенно тем, кто в охоте ищет экстрим, острые ощущения, тот самый кайф от опасности и переживаний, прежде чем выдавать лицензии на отстрел крупного и особенно хищного зверя, следует сдавать не только охотминимум, а проходить специальную (разумеется, платную) подготовку и обязательное соответствующее тестирование. Физиологию не обманешь, есть люди с организмами, просто истекающими адреналином по любому поводу. Психологически они не способны в нужный момент усилием воли подавить сильное волнение, остановить действие того самого адреналина, вернуть самообладание. В основном это весьма эмоциональные индивиды, много чего хотящие от жизни, в том числе любящие развлечения и охоту. Они-то чаще всего оказываются в лесу с ружьем да еще с возможностями добывать или покупать лицензии – бессмысленная гибель животных в этом случае обеспечена. Я лично знаю десяток таких охотников, после стрельбы которых мы по два-три дня добывали подранков.

Но даже не в этом основная причина: прежде всего «адреналинщики» опасны для людей. Воспитанный на законах и скупой немец хоть как-то еще контролировал ситуацию, пусть даже под угрозой штрафа мог отличить крупного медведя от мелкого. Наши, слишком взволнованные, утратившие самоконтроль, вооруженные искатели приключений ежегодно отстреливают десятки (если не сотни!) своих товарищей по оружию и просто граждан, случайно оказавшихся на месте проведения охоты.

Лет двенадцать назад в Тарногском районе Вологодской области председатель охотобщества Григорий П. проводил охоту с итальянцем. А в это время к нему приехал гость из Москвы, профессор, и тоже за медведем. Гриша посадил его на лабаз, а сам повел макаронника по овсяным посевам, чтобы стрелять «с подхода» – такая охота занимает меньше времени, более продуктивна, особенно на больших колхозных полях. Но при этом достаточно рискованная, ибо нужно подойти к кормящемуся зверю на расстояние верного выстрела, не подшуметь, не

спугнуть (часто ходят в одних шерстяных носках) и положить с одного патрона, поскольку от подранка не удерешь, и будут тебе острые ощущения.

Так вот, ведет Гриша итальянца по полям, в бинокль посматривает, а профессор тем часом посидел на одном лабазе – нет медведя, и самовольно перешел на другой, что строго запрещается. А уже сумерки, и видит что-то такое чернеется в овсе. У ученого мужа адреналин в кровь, руки дрожат, но все равно – бах! И ведь попал: пуля просадила Грише область таза навывлет и попала макароннику в бедро. Упали оба, но итальянец тут же вскочил, заорал и, сильно хромя, убежал прочь. Профессор же спускается с лабаза и идет к добыче, будучи уверенным, что положил зверя. И обнаруживает Гришу, который лежит без сознания. Хорошо, быстро сообразил, утащил его в машину и отвез в больницу.

А итальянец ковылял и истекал кровью всю ночь, бродя по полям и лесам, заблудился и лишь к утру выбрался на дорогу. Машины-то идут, но кто остановится при виде окровавленного человека с карабином, который еще кричит – рашен мафия! Моего камрада убили! Наконец догадался макаронник, спрятал в лесу оружие и лег посередине дороги. Подобрала какая-то «Волга», привезла в районную больницу, а он там рассказать пытается, что его друг на поле лежит, мол, спасти надо – рашен мафия! Ему объясняют, что Гриша уже там, наверху, в операционной второго этажа, а итальянец по жестам понял – на небесах и вовсе устрасился, что придут и его дострелят, потребовал консула и охрану.

Пока консул не приехал и не объяснил ему, как все произошло, не верил, что стрелял в них профессор и друг Гриши, поскольку ничего подобного даже предположить не мог. В итоге Григорий перенес несколько операций, два года лежал, потом ездил в коляске и, слава Богу, встал на ноги. Для макаронника же это ранение на охоте неожиданно стало судьбоносным: для того чтобы не было международного скандала, к нему прикрепили самую симпатичную медсестру. Как и всякий раненый и немощный, он влюбился и, когда поправился, увез сестричку в Италию, где на ней и женился – добыл-таки трофей в России...

Несчастные случаи на охоте – и это подтвердят опытные люди, на девяносто процентов происходят по причине сильнейшего возбуждения, сопряженного с временной утратой самоконтроля, то есть в определенной степени нездоровой психики. А когда пресыщенные, самодовольные люди начинают испытывать удовольствие от подобного состояния, это уже явное заболевание. И нужно ли разрешать им охоту на крупного зверя да еще с нарезным оружием?

Для всех остальных, жаждущих добыть зверя, но испытывающих на первых порах откровенный мандраж, не все так смертельно. Есть несколько способов, своеобразных тренингов, которые позволяют остудить кровь и перебороть любое, даже самое сильное волнение. Один из них годится для многих – «перегореть» задолго (хотя бы за две-три минуты) до выстрела, как перегорает молодой, неопытный любовник. Для этого, например, едва забравшись на лабаз, нужно сидеть тихо, неподвижно и не высматривать, а выслушать подход зверя. Долго, внимательно и настороженно вслушиваться во все звуки окружающего пространства и ждать. И нужно устать от ожидания. Приступ взволнованности, уже не такой сильный, появится в тот момент, когда вы отчетливо услышите крадущуюся поступь медведя – редкое, но достаточно ритмичное и движущееся потрескивание. И пока он выйдет на поле, вы уже достаточно попереживаете, адреналин перегорит, а ваши почки сделают свое дело – выведут его из крови.

Но если это не помогает и волнение только возрастает, начинайте ругаться, только не вслух, а мысленно: в адрес зверя осторожно, ласково и нещадно костерите себя. Обзывайте, хулите собственную персону самыми распоследними словами, можно и нецензурно, и почувствуете, как волнение незаметно исчезнет, поглощенное приступом самокритики. Если же и это не поможет или вы такой хороший, что не за что себя ругать, то вспомните о своей матери. Только не зовите ее вслух, а всего лишь *думайте* о ней – память о матери непременно успокоит вас, независимо, жива она или уже в мире ином.

Все эти способы, кстати, вам пригодятся потом не только на охоте, но и в обыденной современной, переполненной стрессами жизни. Ну а коли и мама вам не подсобит в нужный час, есть последний способ: стреляйте вверх для остротки, не забудьте включить предохранитель, после чего осторожно спускайтесь с лабаза и с оглядкой, бегом домой. Не ваше это дело – зверовая охота.

Мне повезло, и я под управлением отца однажды случайно, в двенадцать лет, раз и навсегда вылечился от избыточного адреналина. А было, к утке подползаю – трясет, в белку целюсь – руки ходуном, азарт захлестывает. Тут же отец еще с осени нашел берлогу, судя по следам, с крупным медведем и пообещал взять меня с собой. Я ждал, считал дни, но пришла зима, а добывать его было не с кем, ибо не так-то просто найти опытных медвежатников среди односельчан, а у других штатных охотников капканный сезон в разгаре, некогда. Тут самое главное не отстрелять даже, а вытащить битого зверя из берлоги, загрузить в сани и привезти. В войну отцу женщины помогали, но в мирное время на это дело их уже не брали. Желающие сходить на берлогу, конечно, были – среди знакомых и родственников, но отец всячески от них увиливал. А я из школы одни пятерки приносил и ныл чуть ли не каждый день, мол, возьмем берлогу вдвоем – батя лишь ухмылялся.

И вот наконец пообещал, что сразу после Нового года, на каникулах, пойдем, и созвал желающих – дядю моего, Семена, дядю Колю Косачева и еще одного молодого, здорового и веселого мужика по прозвищу Буря. Он мне сразу понравился, поскольку узнал, что я уже покуриваю, и дал мне пачку сигарет «Южных», которые у нас из-за их малого размера называли «швырок». Берлога была на Митюшкине, где мы раньше жили, в высокой кедровой гриве посередине огромного голубичного болота. Рано утром первого января мы взяли ружья, патронташи, мороженных пельменей, мужики, разумеется, водочки, а батя зачем-то прихватил гармошку, дескать, праздник, погуляем. Люди тогда весело жили и даже работу превращали в праздник. И вот запрягли лошадь, сели в сани, завернулись в тулупы и поехали.

А накануне метель была, санную дорогу перемело, и мы тащились до Митюшкина целый день и больше прошли пешком по убродному снегу – кобыле давали роздых и грелись заодно. В деревне оставался один багаевский дом, который батя использовал как охотничью заимку, в него под вечер мы и вселились да затопили сразу две печи – русскую и буржуйку. Ну и за стол, пельменей наварили, водочку разлили, и начался, как обычно, охотничий треп про медведей – кто да как стрелял, да как убегал, да как с одним ножиком в атаку на косматого ходил. А богатырь Буря поведал, как однажды на лесоповале он трактором на берлогу наехал, а оттуда вылез медведь и на него! Но Буря не растерялся, схватил чекер, размахнулся и убил медведя – крюком по голове. Я замирал от страха и верил, но отец почему-то ухмылялся и все больше про Митюшкино рассказывал. Эта деревня и впрямь считалась углом медвежьим: когда там один дядя Митя Багаев остался жить, звери у него овец подрали, и однажды зимой объявился шатун, который корову задавил и чуть в избу не ворвался. Дядя Митя одного зверюгу у себя в огороде, на пасеке, застрелил прямо из окна.

В общем, изрядно друг друга поугали, пожгли керосину часов до десяти, пока ели да чай гоняли, а поскольку мужики притомились от дороги, мороза и выпивки, то улеглись спать. А отцу никак нейдет, ему погулять хочется, поиграть на гармошке – праздник же! Но сморенные охотники храпят, если же кто встанет, то хлопнет рюмку, выскочит на улицу по малой нужде (чаю выпито было!) и опять на бок. Я же не сплю – завтра на берлогу! – лежу на печи, мечтаю и тут гляжу, батя снял все патронташи с гвоздей и спрятал себе в мешок, а сам сел на лавку и наяривает на гармошке плясовую да ногами притопывает. Потом смотрю, встал Буря и сразу на улицу – приспичило. Отец же дверь за ним закрыл и как заорет:

– Медведь! Шатун!

Дядя Семен с дядей Колей вскочили, глядь, а с той стороны кто-то дверь рвет так, что крепчайшие багаевские косяки шатаются! Они за ружья, мол, сейчас через дверь шархнем!

Давай патроны искать – нету! А батя держится за ручку двери и громче блажит, медведь, мужики, не удержу! Буря же за дверью все слышит да еще сильнее рвет – вот-вот за зад прихватит! Дядя Семен патронов не нашел, бросился отцу помогать, и в это время Буря так дернул, что вырвал дверь вместе с косяками и даже одно бревно в стене вышло из паза! Растволкал мужиков и прямым ходом под кровать, а она низкая, так залез, поднял ее на себе и замер.

А говорил, чекером медведя свалил...

Батя от души хохотал, а мужики наконец-то узрели розыгрыш, но на него даже не ворчали, поскольку сами перепугались, чувствовали смущение и все пинали и вытравливали Бурю из-под кровати, заставляя его вставлять косяки. Потом сами вставили, а то уже изба выстыла, и уселись за стол.

Я уснул под гармошку и пляску, поэтому не видел, как Буря выбрался из своей берлоги.

Наутро все были серьезными, насухо протирали все части ружей и выносили их на улицу. Еще затемно позавтракали, запрягли лошадь и стали бить дорогу к Голубичному болоту – медведя-то вывозить придется. И хорошо, что казенная кобыла у отца не боялась медвежьего духа. Мороз был под тридцать, снег доставал брюха кобылы, и она едва тащила сани, так что мы шли на лыжах впереди, чтоб ей было чуть легче. С восходом кое-как добрались до березника, обрамляющего болото, там привязали лошадь, отпустили чересседельник, задали сена, и батя повел нас на кедровую гриву, что была в километре от кромки.

Болотный кедрач высокий, прогонистый, корневая часть слабая, да и грива узкая, поэтому ветрами навалило, накрестило его – и зимой-то трудно пройти. Подвел нас батя к буреломнику, показал засыпанную снегом и заваленную деревьями яму, а оттуда действительно, как говорят, парок на морозе курится и кустарники вокруг заиндевели. Расставил он мужиков по местам и приказал снег растаптывать, да чтоб ружья держали наготове. Меня поставил далеко от берлоги, за толстое дерево и велел носа не высовывать.

А от пропотевших охотников пар столбом. Топчут снег, поглядывают то на батю, то на берлогу, и красные, заиндевевшие их физиономии постепенно бледнеют и вытягиваются. Я прицелился в яму, стою и вдруг начинаю чувствовать, как у меня затряслись сначала ноги, а потом и руки, но твержу себе, что это от холода. На самом-то деле чего бояться, если батя рядом? Он же шутит с мужиками насчет запасных штанов, а сам делает залом из сучковатой вершины сухой упавшей елки – эдакого противотанкового ежа, который вставляется в лаз берлоги, чтобы зверь не смог сразу выскочить. Стучит топором, посмеивается, а про меня словно забыл. Вставил залом в яму, после чего срубил высокую тонкую елку, не спеша сучья обчистил, затем телогрейку скинул, в одну руку ружье взял, в другую жердь.

– Готовы? – спрашивает. – Курки взвели?

Мужики напряглись, молча кивают, а сами целятся в яму. Буря так на колено встал – из-за роста валежина ему мешает.

– Только в меня не стреляйте, – предупредил батя и ширнул стяжком в отдушину. – Вставай, косолапый! По твою душу пришли!

Берлоги в Сибири рытые, глубокие, а сверху еще снегу набило, да деревья лежат. В общем, от тряски и нереального тумана перед глазами я ничего не увидел и не понял, но мужики бабахнули залпом, и мне показалось, что я тоже выстрелил. Отец же закричал:

– Гляди-ка! Попали!

Охотники полезли к берлоге, а без лыж так тонули в снегу, ну и я за ними. И когда добрался, выброшенный из лаза залом уже был наверху, а большая медвежья голова с закусенным в пасти языком еще торчала в яме. Однако снег вокруг валился, и зверь вместе с ним медленно опускался куда-то вниз.

– Тащите веревку! – велел батя, сбрасывая лыжи.

За веревкой ринулся Буря, но опоздал: медведь рухнул в яму и оттуда дохнуло смрадом звериного жилья.

– Да куда не денется! – Мужики, как подобает, сдержанно радовались и закуривали. – Теперь наш, достанем!

Сбили сугроб с валежины, ружья повтыкали в снег и расселись. И тут батя наконец-то обратил внимание на меня, но глядел как-то странно, с хитроватым подозрением.

– А ты-то стрелял?

– Стрелял! – с гордостью ответил ему.

Он же взял у меня ружье, разломил и достал целый патрон.

Мужики заржали надо мной, стали подтрунивать, но больше от того, что их переполняли чувства: хорошее было утро, медведя взяли, охота удалась, будет что рассказать. Батя же молчал и ухмылялся, а мне стало невыносимо обидно. Ведь помню же, хоть и как в тумане, но вроде бы нажимал спусковой крючок!.. Я встал на лыжи и хотел было отойти подальше и с горя покурить Буриного «швырка», но отец дал конец веревки.

– Раз не стрелял – лезь в берлогу. Привязывай медведя, вытаскивать будем.

Я взял веревку и на ватных ногах подошел к темному челу: в кедровой гриве было сумеречно, туманное морозное солнце слабо пробивало плотные кроны, а в берлоге и вовсе был мрак и воняло так, что дышать можно лишь ртом, чтоб не стошнило. Мужики примолкли, глядели с интересом, и верно, думали, полезу я или струшу?

– Чего встал? – поторопил батя. – Давай!

На животе, как медведь, я сполз в черную снежную яму головой вперед и на ощупь нашел почему-то узкий лаз, протиснулся, потрогал руками пространство – везде была мягкая медвежья шерсть, в том числе и под коленками.

– Ну что там? – Батя склонился к яме. – Чего копаешься?

– А за что привязывать? – спросил я из подземелья.

– Сделай удавку и за шею, – посоветовал он. – Или за лапу.

Наконец в шерстяной горе я нащупал звериную голову, точнее, уши, а возле морды оказалась огромная и безвольная передняя лапища с когтями. Неуверенными руками я сделал удавку, кое-как надел ее на лапу, затянул и крикнул:

– Тащите!

Мужики налегли на веревку, а я наконец нащупал стенку берлоги, пронизанную сплетением кедровых корневищ, и встал на четвереньки.

– Раз-два – взяли! – донеслось сверху. – Еще раз – взяли! И веселый, восторженный мат.

– ... ничего себе!

Батя, видно, склонился к берлоге.

– Ты за что там привязал-то?

– За лапу!

– А почему обратно тянет? Может, за корень привязал?

– Я что, корня от лапы не отличу? – меня уже брала обида: вылезешь из берлоги – начнут смеяться...

– Ладно, подталкивай там снизу! – велел отец и ушел.

Я ощупал шерстяную гору, примерно нашел медвежий зад, уперся в стенку и стал толкать.

– Раз-два – взяли!

И так потянули, что одним махом выдернули зверя наружу, причем с частью обледеневшего снежного лаза, так что в берлоге немного посветлело. Но почему-то наверху вместо радости, словно короткая вспышка, возник переполох, злой, забористый мат и крики:

– Бей его! Бей! А, ё...

Я же пополз на четвереньках к лазу и снова ощутил под руками медвежью шкуру. В этот момент батя спрыгнул в яму, спросил звенящим, возбужденным голосом:

– Серега? Живой?

- Живой...
- Ё!.. Вылазь!
- А медведь!..
- Убежал медведь!
- Тут еще один лежит!

Отец проснулся в расширенный лаз, что-то пощупал и вдруг одним рывком выбросил наружу небольшой и лохматый ком.

- Пестун! Вылазь!

На улице грохнул запоздалый выстрел. Я выполз из берлоги, и батя, схватив меня за шиворот, выбросил на снег, как пестуна.

- Фу, мать ити... Эй, чего стреляете-то, лешаки? Ушла!..

Мужики стояли с ружьями наперевес возле широкого, пропаханного в глубоком снегу, следа, уходящего с гривы к болоту, что-то высматривали. Отец сел на теплого еще пестуна, достал кисет и стал сворачивать самокрутку. Руки дрожали и парили на морозе, махра сыпалась на снег – таким я его еще не видел...

– На-ко, сверни! – сунул мне кисет. – Умеешь ведь?.. Живой медведице веревку за лапу привязал!

Его колотило от переживания, должно быть, увидев живого медведя, выскочившего из берлоги, он в мгновение представил, что могло со мной случиться, и теперь никак не мог успокоиться. Глядя на взволнованного батю, я физически ощутил, как в один миг из меня что-то стремительно вылетело – эдакий парок, словно от дыхания на морозе. Было чувство, что сбросилось лишнее давление, ранее распиравшее меня изнутри, и одновременно будто притянуло к земле, отяжелели плечи и руки. Я сел на снег, свернул батю самокрутку, прикурил от своей спички и с удовольствием затянулся.

– А это тебе рано! – Он отнял самокрутку, жадно хватил дыма. – Впрочем, что я говорю?.. Мужики подошли к нам, тоже задымили папиросами, стали разглядывать медвежонка, на котором сидел отец.

– Чего зырите-то? – недовольно спросил тот. – Сколь говорить: стрелил – заряди ружье! А вы встали, рты разинули!..

Он швырнул полсамокрутки в снег и поднялся.

– Пошли матку догонять! Выйдет в деревню – наделает делов... А ты, Буря, возьми пестуна!

Богатырь Буря легко положил добычу себе на шею, взял за лапы, и мы пошли по следу ушедшей в болото медведицы.

Она же сделала круг, снова пересекла гриву и вышла точно на нашу привязанную в березнике лошадь. Кобылка не боялась битого зверя, но при виде живого оторвала узду, сломала оглобли и убежала на Митюшкино. Буря оставил пестуна в санях, и мы пошли вдогон. Медведица шла в сторону Усачей по выдутой ветром опушке митюшкинских лугов, где снегу было поменьше. Первый раз мы настигли ее через час, однако matka подпустила метров на сто пятьдесят и резко свернула в пойменный, захламленный лес. Эх, был бы тогда у меня СВД или хотя бы простой карабин с «болтом»! Я нес «Белку», а у мужиков – тульские дробовики...

После недолгих поисков мы выгнали ее на чистое и стали догонять. Медведица брела по глубоким снегам, иногда оглядываясь и огрызаясь, но стоило сократиться расстоянию метров на сто, как переходила на мах и далеко отрывалась вперед. Брошенную деревню Усачи она обошла по бору и снова двинулась лугом. И словно дразнила нас, завлекала подальше, распахивая снег впереди всегда чуть больше дистанции выстрела, словно знала возможности нашего оружия. А может, и знала, поскольку была старой и наверняка не раз стреляной. Несколько раз от отчаяния мужики прицеливались, но отец не давал стрелять: если даже попадешь, то все равно будет подранок, а в глубоком снегу далеко от нее не убежишь.

Целый день мы висели у нее на хвосте, угнали почти к жилой деревне Симоновка, и мужики сильно вымотались. Но во мне было столько энергии, силы, а главное, хладнокровной решимости, что вполне мог стороной обогнать матку, встать у нее на пути и уложить из засады. Но на все просьбы батя только пальцем грозил, а мужики ворчали, мол, ишь, как слазил в берлогу к спящей медведице, так и расхрабрился.

Когда начало темнеть, мы бросили след и повернули назад.

Ровно через сутки медведица вышла в район сельсоветского села Яранское, где ее случайно увидел и застрелил Колька Сидоров, пацан, старше меня всего-то на три года...

До сей поры, когда я подхожу к пасущемуся в овсах зверю, чаще всего в тот момент, как увидел его, вдруг горячет кровь и сердце стучит в горле. Но каждый раз, в следующий миг в памяти непременно всплывают влажные на морозе руки отца, трясущаяся бумажка и сыплющаяся на снег махорка. И словно открывается клапан, мгновенно сбрасывая высокий градус волнения, и сразу же ощущается обычное земное притяжение...

Об удаче

Если же все складывается и вы уже достаточно овладели навыками добычи птицы, зайцев и прочих грызунов, то испытать себя на дичи покрупнее стоит. Однако не следует начинать с хищного зверя, лучше всего с кабана, оленя или лося, и непременно в бригаде. Разумеется, как самого молодого и неопытного, независимо от социального положения (если вы только не губернатор и не генерал из Москвы), вас поставят на самый худший номер, если это загонная охота, или позволят тропить зверя по вчерашнему следу. Но это еще ничего не значит, ибо в первую очередь таким образом вы проверите себя на удачливость, качество мистическое, ирреальное, но явно существующее, ибо не зря сказано, «на ловца и зверь бежит». Хотите верить, хотите нет, но крылатая дева – богиня охоты Удача обычно посылает свое перо самому опытному добытчику и новичку. Первому в знак его достоинства, второму – если зрит в нем будущего охотника. Остальным же обычно достается снимать шкуру, таскать мясо и пить водку под свежатинку.

На Таймыре по осени мы заготавливали мясо на зиму, поскольку единственный транспорт – вертолеты, и каждый килограмм перевезенного груза, кроме собственной цены, стоит два рубля на советские деньги. А поселок из семидесяти человек надо чем-то кормить до весны. От тушенки же, произведенной лет пятнадцать назад и извлеченной со складов мобзапаса, уже воротило и болели желудки. К тому же свежее мясо, особенно если употреблять его в виде строганины, это профилактика цинги, и донныне существующей в Арктике. Тут же все, можно сказать, дармовое: дикие олени проходят через нас на зимние пастбища и гусь валит с островов на материк – только стреляй.

Собрали бригаду охотников из шести человек и начали заготовку птицы. Гусь там идет с первым снегом, уже по морозу, и пролетает довольно быстро, за три-четыре дня, но зато от темна и до темна, и не стаями, а сплошным валом – все это время небо гогочет. Над долинами летит высоко, но над сопками как раз на выстреле, лапы видно, поэтому мы расселись каждый на свою сопочку с казенными полуавтоматами МЦ 21–12, запаслись казенными же патронами с дробью в три нуля – гусь жирный и перо крепкое, – продуктами, палатками, чтоб в поселок не бегать, и начали отстрел.

Гусь-то валом идет и низко, вроде бы по теории хоть тысячу можно уронить, но не все так просто, как кажется. За световой день удавалось сбить до двухсот штук, да почти половина из них – подранки, которых, пока светло, нужно успеть собрать, ибо песцы уже дежурят у подножия сопки и за ночь всех приберут. А попробуй скоро найди серого гуся среди серых, в лишайниках, развалов камней? Спрячется, зажмет, и пока не наступишь – не увидишь. Собак же толковых по птице в поселке не было. Получалось, до обеда стреляешь, костеря родную оружейную промышленность, ибо пятизарядки эти чувствительны к боеприпасам, иногда почему-то отрывает шляпку от бумажной гильзы, отчего ружье часто заедает, ствол разогревается настолько, что с одной стороны руки греть можно, с другой – в рукавицах перезаряжать приходится, а после обеда дотемна рыщешь по склонам сопки и добиваешь подранков. Кроме того, после двадцати минут стрельбы над тобой образуется проран – гуси начинают облетать опасное место, вот и ждешь, пока эта дыра в сплошном потоке не заштопается. И еще плечо себе так прикладом насадишь, что рука не поднимается.

Вечером к нам приезжал вездеходчик Миша, норильчанин, и отвозил добычу в поселок, где женщины в столовой ощипывали гусей, потрошили и морозили. Этот Миша был каким-то малоохольным, вечно то машину утопит в тундре, то гусеницу порвет или «разуется» за сорок верст от поселка, то заблудится, так что на вертолете ищут. В первый день охоты он приехал и стал клянуть патроны, поскольку всегда возил в вездеходе двустволку. А уже стало понятно, что всех патронов нам за короткий срок не сжечь, поэтому каждый дал ему по полсотне. На сле-

дующий день мороз отпустил, потеплело и в тот час поднялся густой туман. Гусь кое-как шел сначала, потом полеты прекратились, и мы изнывали, ожидая ветра. Вечером туман снесло, приезжает Миша за добычей и опять просит патроны. Я ему:

– Совесть-то имей! Куда тебе столько?

– Да уж кончились...

– Как – кончились?

– Поди посмотри, – и поднимает тент на вездеходе.

А в грузовом отсеке у него – гора птицы! Мы шестером за день по столько не били.

– Откуда? Как?

– Еду, – говорит, – сегодня по тундре и в тумане заблудился маленько. Глядь – какое-то серое озеро, и все шевелится. Пригляделся – гуси. Их туманом прижало, они и упали на воду. Ну я лег на землю и давай стрелять по головам да шеям. А гуси только подсакивают и садятся – не улетают. Патроны бы не кончились, так до сих пор бы еще стрелял.

Дали ему патронов, на сей раз по сотне. Ну, думаем, повезло дураку. Потом начался олений отстрел, уже по убродному снегу. Сели мы бригадой на олений ход, ждем. Вертолетчики сказали, близко уже движется на нас стадо, голов на триста. Отсидели мы до вечера, замерзли как собаки, костра не разведешь, спиртом не погреешься – сухой закон, а тут еще пурга началась. Наконец приезжает Миша, как всегда, начинает патроны клянчить.

– Мы же тебе недавно давали! – возмутились мы.

– Дак кончились...

– По кому расстрелял?

– По стаду... Поехали грузить.

– Да где же ты стадо нашел, если мы стоим на оленьем ходу?

– А тама!

Говорят, олени переходы не изменяются столетиями, однако вышло так, что на их пути оказалась наша буровая установка с дизельной электростанцией и стадо изменило маршрут. На него-то и опять «случайно» наехал вездеходчик. Причем стрелял он дробью «три нуля» и настолько толково, что мы наконец-то научились, как нужно добывать оленей. Бить Миша начал не по головным в стаде, а по задним, отчего животные полезли друг на друга, запутались рогами, и остальное было делом техники.

За эту спонтанную охоту вездеходчик выполнил план по осеннему отстрелу оленей, лишив нас работы и обеспечив мясом поселок. Мы звали Васю в бригаду, но он отказался, сославшись, что не охотник, а ружье ему от отца досталось, вот возит всегда с собой в ГТТ. Скорее всего, он просто не хотел нашего общества, будучи во всем индивидуалистом.

По-моему, дева-богиня не перья на него роняла, а крылами по головке гладила...

Старые охотники говорили, что удача приходит ко всякому ловцу и всякого может сделать ловким, только следует строго выполнять несколько обязательных условий. Самое главное, никогда *не жадничать* и добывать зверя и птицы в таком количестве, чтобы дичи всегда *не хватало*, то есть не жрать от пуза круглый год и уж тем паче не продавать свою добычу, но *дарить* – сколько угодно, поскольку считается, она, добыча, тоже *даром* тебе досталась. Разумеется, если ты не промысловик и охота у тебя – удовольствие. Никогда не «портить» лесную живность и добирать подранков, не стрелять звериных детей, птенцов, под страхом смерти – *третью сороку*, если прежде зачем-то уже убил двух. (Говорят, третья сорока – птица роковая.) *Не приручать* хищных зверей и пернатых, за исключением сокола, ибо это *первая* охотничья ручная птица! Не стрелять *сорокового медведя*, ибо он тоже роковой, и *белоглазого* волка. Я пытался выяснить, что это за зверь такой – даже старики не видели, но уверены, будто это вовсе не волк, а некий помощник человеку, должно быть, наподобие того серого, что мчит на своей спине Ивана Царевича и Василису.

Скорее всего, эти условия – отголосок древних неписанных законов и поверий, однако за нарушения их и в наши дни удача отвернется непременно. Проверено на собственном опыте: был грех и я испортил кабана в прямом смысле – в один день добрать не смог, поскольку устал и не дошел до него ста метров. Когда на следующий обнаружил, то зверь уже вздулся на августовской жаре и вонял. В этот год не удалась лосиная охота – пятнадцатого января повесил на сук лицензию и уехал домой. Весной не отстрелял глухаря, осенью – медведя, зимой то же самое повторилось с лосем: вставал на самые лучшие номера, а зверь выходил там, где никто не ждал. Мужики начали посмеиваться и звать «зеленым», приходиться за лицензиями к Солдатенкову было стыдно. Наконец я даже мазать стал по сидящим зайцам.

И продолжалось это в течение двух лет: не то что не добыл, а даже не видел дичи все это время!

И вернулась удача после весьма любопытного случая. В разгар осеннего сезона у Василия В. день рождения, вот я и спросил, что ему подарить. Он отвечает, мол, ну, если только хорошего медведя, поскольку тоже ничего отстрелять не мог, а гости приедут, по традиции нужно угощать дичью. А погода в этот день была совершенно не медвежья: ветер аж лабаз качает, временами дождь, холодно, шумно и стемнело рано. Я промок, замерз и уже собирался уходить, но в этот момент узрел на краю поля такого «гроссфатера», что вначале показалось, идут два медведя друг за другом. Когда же они вышли на открытое место, то соединились в одного большого. Расстояние за сто метров, зверь никак не приближался, темнело стремительно, а отпотевшую оптику давно снял. Я рискнул стрелять с открытого прицела, и дева-богиня уронила наконец-то свое перышко.

Считаю, потому, что медведь этот был обещан в дар.

И тут как прорвало. Спустя сутки, уже после дня рождения, сидим мы с Васей на нашей базе, пьем водку и страдаем, потому как делать больше нечего. Опять черт принес иностранцев, которые заняли все площадки, – они же у нас как святые, потому что за выстрел хорошие деньги платят, а что с нас взять? Тут приходит охотовед Виктор А., и мы к нему, дескать, дай хоть где-нибудь вечер посидеть или с подхода попробовать на просторных пшеничных полях. Он сдобрился и указал нам овсяное колхозное поле в пяти километрах от райцентра, да предупредил, что туда местные мужики частенько приезжают отдыхать с любовницами. Но делать нечего, взяли табуретки с кухни, поехали и сели прямо в овес, ибо с подхода там вообще охотиться невозможно: поле узкое и длиной – триста метров. Просидели минут сорок в разных углах, причем курили и даже переговаривались. И вот из елового перелеска совершенно бесшумно вываливает матерый зверь, останавливается в тридцати шагах от меня и начинает преспокойно кормиться.

Мой отец бы сказал – смерть свою почувал...

Ну кто же еще его послал мне, если не крылатая Удача? Иностранцы же, сидя на лучших, специально сбереженных для них площадках, в тот вечер не добыли ни одного зверя. Через сутки я отстрелял секача на пожнях, которые видно из крайних домов деревни, и на другой день уехал домой, вспомнив, что злоупотреблять удачей, а тем паче жадничать не следует. Охотовед Витя потом смеялся и говорил, мол, вас на сельсоветский забор посади, зверь выйдет. Так что зачем вам лабазы, подкормочные площадки?

Если вам постоянно не везет на охоте, даже когда ее организовали специально для вас и, по сути, выгнали к вам зверя на выстрел, не ругайте егерей и оружие, а прежде всего поищите причину внутри себя. Ведь охота – прямой контакт с природой, это своеобразное очищение души и обретение духа. Может быть, вы когда-то в жизни пожадничали? Обидели слабого и беззащитного? Может, отсутствует у вас искренняя щедрость, способность приносить дары? Или пресыщены самой жизнью, и охота для вас – исключительно развлечение, поиск острых ощущений? И тогда это уже не охота, а убийство, и зверь не добыча – жертва ваших утех?

Есть еще один способ вернуть, испытать или обрести капризную удачу, скажем прямо, довольно тяжкий. Современные загонные охоты – дело княжеское, но вы попробуйте встать на свежий след, в одиночку вытропить и взять зверя, как это делали и делают настоящие ловцы. И эту свою трудовую, а потому дорогую добычу пустите не на шашлык, а отдайте, например, в детский дом, сиротам. В конце концов, оставьте себе трофей – рога, шкуру, клыки, а бифштекс из дичи вы можете заказать в ресторане.

Удача – дело мистическое, это уже область тонких материй, пока что мало доступных нашему сознанию. Поэтому ей следует приносить жертвы, как это делали наши предки. Воздайте ей и увидите, как дева-богиня непременно уронит вам свое перо, а вы воткнете его в шляпу. Мало того, испытаете истинное удовольствие от такой охоты – что, собственно, и искали. Причем жертвуйте детям свою добычу инкогнито – детские души это тоже область тонких материй, и вам обязательно воздастся. Вездеходчику Мише везло потому, что он был абсолютно бескорыстен и ничего из добычи себе не брал. А какой бы королевской ни была охота, все дело случая. Я сам участвовал в таких, устроенных для именитых московских гостей, когда егеря буквально выпихивали зверя на нужные номера, но чаще отстреливал его кто-то другой. Хорошо, если для гостей важен процесс, а не добыча, а то ведь скандал – не обеспечили охоту!

Удачу, как и всякую женщину, следует завлекать, заманивать, завоевывать благородством, силой мужского духа, смелостью и щедростью. Причем социальный статус, стоимость и гравировка оружия, костюм, прислуга и марка машины совершенно не учитываются. Но как только вы самодовольно и панибратски станете к ней относиться – в тот же час взмахнет крылами, и поминай как звали...

Ловля

Охота как работа

Издrevле охота всегда разделялась на два вида – профессиональная (промысловая) и любительская (спортивная). Первая и дoныне существует как способ пропитания, заработок и, как ранее упоминалось, экономически не выгодна для самого охотника, ибо физические и материальные затраты приносят скудный достаток, способный лишь прокормить семью, и то не всякий год. Поэтому почти каждый профессионал держит подсобное хозяйство – скот, огород, пасеку и в межсезонье промышляет сбором дикорастущих, на которых, кстати, иногда зарабатывает больше, чем охотой. Никто никогда толком не считал (а сами охотники и вовсе не считают) трудозатраты промысловика: пройденные им сотни километров пешком и на лыжах, тонны перенесенного на плечах груза, неудобство ночевок у костра, на комарах, плюс к этому оружие, боеприпасы, все орудия лова, наземный и водный транспорт, горючее и запчасти – за свой счет.

Это основная экономическая причина браконьерства штатников. Я не уверен, что на Дальнем Востоке бьют медведя из-за лап и желчи, как равно тигров и барсов (чтобы переправить в Китай), только охотники-любители. Вдумайтесь, до какого маразма мы дожили – зверя из-за желчи? Мой отец, наверное, в гробу переворачивается, а вместе с ним те военные русские женщины, что выскребали шкуру, дабы не оставить мездры и жиринки.

Во все времена на охоте обогащались купцы, нынешние скупщики, перекупщики пушнины и пушно-меховые аукционеры. В общем, все, кроме того, кто конкретно добывает мягкую рухлядь. Кстати, сотни сибирских купцов и промышленников делали свои первые деньги, обирая охотников за знаменитую «огненную воду». Это уже потом покупали прииски, ставили заводы и мануфактуры, называясь промышленниками. В семидесятых-восьмидесятых годах, когда ослаб государственный контроль, в области заготовки пушнины начали работать «цеховики», которые за бесценно скупали пушно-меховое сырье, вскоре стали подпольными миллионерами, а ныне, используя первоначальный капитал, официально промышляют золотом, алмазами и нефтью.

Ничто не меняется в этом мире. Пока у хищников есть кормовая база, они не исчезнут.

Казалось бы, пока есть на свете богатые, привыкшие к роскоши женщины, промысловая добыча пушного зверя не исчезнет, а значит, труд этот будет востребован и «зеленые» пока отдыхают. Однако наше время – время эрзацев, и профессиональная охота давно уже вытесняется развитием ферм клеточного содержания пушного зверька. Разводить в неволе научились многое – песца, черно-бурую лису, норку, нутрию, ондатру и пр. Конечно же, по качеству меха, для тех, кто понимает, – это небо и земля по сравнению с выросшим в родной вольной стихии шкуркой зверька. Но вот вряд ли скоро удастся загнать в клетку соболя, колонка, горностаю и белку. Слишком вольнолюбивые эти зверьки, привередливы в пище, очень плохо размножаются и теряют живой блеск шерсти. Правда, государей в нашем мире слишком мало, поэтому потребность в горностаевых манто минимальна, однако на соболей еще спрос велик, да и художники пока не перевелись, коим требуются самые нежные и незаменимые колонковые кисти. Поэтому промысловая охота не исчезнет в обозримом будущем, хотя конечно же эта древнейшая профессия, сотворившая в какой-то степени русский (и не только!) национальный характер, *обречена на гибель*.

И останется только любительская.

Не знаю, этими ли соображениями руководствовалась российская власть либо есть у нее иные мотивы, но недавно все охотничье хозяйство было передано в ведение Министерства

лесной промышленности. А было оно в Министерстве сельского хозяйства, в чем есть своя логика: промысловая охота и сам штатный охотник – это нечто среднее между приискателем, поскольку пушнина – то же золото, только мягкое, и производителем сельхозпродуктов. С той лишь разницей, что охотник не сеет, не откармливает скот, а берет мясо животных из дикой природы. Еще раньше охота была в системе кооперации, которая занималась добычей даров природы. То есть охотничье хозяйство страны вкупе с охотниками по своему *среднему* положению никогда не имело своего постоянного места и одного хозяина-распорядителя, и все потому, что ни одна власть в России *не в состоянии выработать определенного отношения к такому явлению, как лов*. Поэтому охота, с одной стороны, рассматривается как путь поступления в бюджет валюты через пушно-меховые аукционы, с другой – как нечто не обязательное, не серьезное, пригодное для утех и развлечений.

Есть своя логика и в том, что ловля теперь принадлежит лесному хозяйству страны, но она, эта логика, формальна и даже примитивна – мол, дикие животные-то в лесах живут. А как тогда быть, например, с тундрой и степями, где нет лесов, а значит, и полномасштабных управлений лесами на местах? Я уверен, охотничье хозяйство так и останется пасынком у нового папаши, а иначе придется ему создавать новые структуры, в том числе егерские охраняемые службы, и полностью реформировать имеющиеся. Это приведет только к раздуванию и так непомерного уже чиновничьего аппарата, но никак не к контролю за охотугодьями и поддержанию стабильности в животном мире. Например, в 1985 году в Вологодском областном охотуправлении сидел Азарий Иннокентьевич, бухгалтер и два охотоведа – весь штат. При этом тогда еще существовали промысловые уголья, штатные охотники и огромный отряд любителей. При этом выдавали 4 (четыре!) тысячи лицензий на лося и отстреливали без ущерба для животного мира. Сейчас там же с шоферами и обслуживающей около *ста* человек, и штат все растет. Но выдают всего восемьсот лицензий, из них добрая половина не отстреливается. И в связи с передачей в другое ведомство надо ожидать прибавления – нет, не дичи в лесах, а чиновников в кабинетах. Я понимаю, нынешней власти чиновник нужен как воздух, ибо он суть *правлящая партия*, но не до такой же степени, друзья! Особенно в таком вечном деле, как охота, которая *никогда не прокормит* этого монстра.

Любительскую охоту можно назвать спортивной, развлекательной, можно представить как экстремальный вооруженный отдых, но в любом случае из охоты пропадет главная составляющая – профессиональный труд, а это значит, утратится *опыт*, секреты, наработанные тысячелетиями, неписанные законы, образ жизни промысловика, нравы и обычаи. Целый культурный пласт нашей жизни!

В результате ловля превратится в потеху.

Поэтому я подробнее остановлюсь на промысловой охоте – то, что узнал и запомнил с раннего детства, и то, что вскоре станет обыкновенным фольклором.

Промысел

Календарный год у штатника расписан по сезонам охоты и по работам, которые следует провести в межсезонье. Есть два основных «мертвых» сезона – зимний и летний. Начиная с первого марта прекращается всякая охота, за исключением волчьей, ибо у пушного зверька начинается спаривание, вынашивание потомства и линька, когда выпадает зимняя и нарастает летняя шерсть. Обычно животные в это время неприглядные, облезлые, у них меняется поведение, например, очень осторожные песцы в тундре становятся чуть ли не ручными, бывает, огрызаются даже на человека, забравшись на поселковую помойку, словно знают, что шкурка их уже никому не нужна. Пожалуй, избавлена от этой напасти только выдра, мех которой остается красивым во все времена года, поэтому этого зверька редко когда увидишь. Весеннее краткосрочное открытие охоты (обычно десять дней) на водоплавающую дичь, глухаря и тетерева мало волнует профессионала, поскольку это считается забавой, достойной разве что подрастающих сыновей. Ко всему прочему, в этот период есть работа – надо «поднять» все ловушки: спустить и подвесить капканы, кулемки, пасти и, пока держит наст, кое-что (например, ящики с новыми капканами и кулемками, бочки под рыбу, соль, железную печку, стекло) завезти нартами в избушки на промысловый участок, поскольку сделать это осенью, по чернотропу, будет труднее. Правда, иногда доводили план на весеннего бурундука – сотню надо сдать, по три копейки за штуку, но этим занимались мальчишки-сыновья: из гильзы 12-го калибра делаешь манок, на удилице привязываешь силок из тонкой медной проволоки, идешь за поскотину и манишь свистящим звуком – тур, тур, тур. Так зовет самочка, и самцы сбегаются к тебе со всех сторон, если не шевелиться, на плечо лезут. Потопаешь резко ногами, пошумишь, они все вмиг на деревья. А ты подносишь силок к его голове, он, любопытный, голову сам толкает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.